

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

УТВЕРЖДАЮ

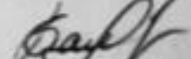
Зав. кафедрой

д-р филол. наук, доц.

 К. Б. Свойкин
03 июня 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

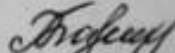
**ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАСКУЛИННОСТЬ» В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Автор бакалаврской работы 03.06.2019 И. И. Балаева

Обозначение бакалаврской работы БР-02069964-45.03.02-04-19

Направление 45.03.02 Лингвистика

Руководитель работы

канд. филол. наук, доц. 03.06.2019 Е. А. Бабенкова

Нормоконтролер

ассистент 03.06.2019 О. А. Тремаскина

Саранск
2019

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филол. наук, доц.

К. Б. Свойкин

16 января 2019 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ

(в форме бакалаврской работы)

Студент Балаева Ирина Игоревна

1 Тема Экспликация концепта «маскулинность» в художественном тексте на английском языке

Утверждена приказом № 230-с от 16.01.2019 г.

2 Срок представления работы к защите 03.06.2019 г.

3 Исходные данные для научного исследования: учебная и научная литература, аутентичный художественный текст романа М. Митчелл «Унесённые ветром»

4 Содержание выпускной квалификационной работы

4.1 Понятие «гендер» как основная категория гендерной лингвистики

4.2 Экспликация концепта «маскулинность» в художественном тексте

Руководитель работы

16.01.2019 Е. А. Бабенкова

Задание принял к исполнению

16.01.2019 И. И. Балаева

РЕФЕРАТ

Бакалаврская работа содержит 65 страниц, 54 использованных источника, 4 источника-примера.

ГЕНДЕР, ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР, ГЕНДЕРНАЯ ЛИНГВИСТИКА, СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭКСПЛИКАЦИЯ, КОНЦЕПТ, ФЕМИНИННОСТЬ, МАСКУЛИННОСТЬ, ГЕГЕМОННАЯ МАСКУЛИННОСТЬ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ.

Объектом исследования является речевая экспликация концепта «маскулинность» в аутентичном художественном тексте романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром».

Цель работы: выявить особенности экспликации концепта «маскулинность» в художественном тексте на английском языке.

Методы исследования: метод анализа, метод обобщения, дедуктивный метод, индуктивный метод, метод синтеза, метод описания, метод сплошной выборки, метод полевой семантизации.

Материал исследования: аутентичный художественный текст романа М. Митчелл «Унесённые ветром».

Полученные результаты: в ходе проведённого исследования были проанализированы особенности реализации маскулинных черт в художественном тексте на английском языке.

Степень внедрения – частичная.

Область применения: гендерная лингвистика, социолингвистика, стилистика, лексикология.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Понятие «гендер» как основная категория гендерной лингвистики	9
1.1 Возникновение и становление понятия «гендер» в исследованиях представителей отечественной и зарубежной лингвистики	9
1.2 Гендерная лингвистика как способ научной обоснованности концептов «маскулинность» – «фемининность»	17
1.3 Концепт «маскулинность» как непосредственный объект изучения гендерной лингвистики	27
2 Экспликация концепта «маскулинность» в художественном тексте	33
2.1 Вербализация концепта «маскулинность» в художественном тексте посредством стилистических приемов	33
2.2 Лексическая репрезентация концепта «маскулинность» в художественном тексте романа «Унесённые ветром»	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	60
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ	64

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия пристальное внимание западной и отечественной лингвистики направлено на антропологический аспект функционирования языка, в связи с чем особое значение приобретают гендерные исследования – направление междисциплинарных исследований, в поле зрения которых находится роль гендерного фактора в жизни общества. Гендерный подход в лингвистике подразумевает не биологические различия между мужским и женским полом, а значимость культурных, социальных, психологических особенностей индивида. Основой гендерных исследований стало выявление разницы в статусах женщины и мужчины в различных сферах жизни при использовании сопоставительного анализа черт доминирования в различных областях, основываясь на исполняемой индивидом гендерной роли.

Гендерные исследования, направленные на изучение базисных полярных концептов «маскулинность» – «фемининность», вывели закономерность, что реализация каждого из них разнится в зависимости от научной направленности каждой из дисциплин гуманитарного знания. Факторы, влияющие на выбор тех или иных языковых средств в коммуникативном процессе, изучаются на современном этапе в лингвистике в различных типах дискурса. В связи с данным интересом теория гендера старается по-своему интерпретировать художественные тексты, являющиеся по сути особым видом дискурса, в которых представлены языковые картины мира, характеризующие мужской и женский взгляд на мир. Особый интерес представляют художественные тексты XIX века и их анализ, позволяющий сравнить современный гендерный статус со статусом того времени, чем и обусловлено написание данной работы.

Анализируемый в данной работе концепт «маскулинность» является одним из составляющих компонентов в фундаментальной паре, зародившейся еще в античное время и представляющей собой особую модель социального поведения. Рассмотрение концепта «маскулинность» в нередких случаях носит дискриминированный характер. Во-первых, история гендерных исследований насчитывает большее количество работ, посвященных концепту

«фемининность» в связи с более ранним появлением феминистских исследований. Во-вторых, признаки маскулинности всегда анализируются в сравнении с женскими чертами противоположного характера, они не рассматриваются как отдельно упорядоченная структура. Тем не менее, анализ языковой личности представителя данного концепта позволяет лингвистам сделать вывод о социальной модели мужественности, доминирующей на том или ином этапе исторического развития, а также оказать содействие в антропоцентрическом направлении современной лингвистической науки.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что гендерный фактор в научной парадигме лингвистических наук является сравнительно новым направлением исследований, в частности количество работ, посвященных анализу концепта «маскулинность», сравнительно мало, что позволяет сделать вывод о том, что данный концепт является малоизученным в сопоставительном аспекте с концептом «фемининность».

Научная новизна заключается в попытке комплексного описания гендерных параметров концепта «маскулинность» посредством построения его бинарной оппозиции с концептом «фемининность».

Объектом бакалаврской работы является речевая экспликация концепта «маскулинность» в аутентичном художественном тексте романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром».

Предметом является вербализация концепта «маскулинность» в тексте романа при помощи языковых средств.

Цель работы – выявить особенности экспликации концепта «маскулинность» в художественном тексте на английском языке.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1) Рассмотреть понятия «гендер», «пол», концепты «мужественность» и «женственность»;

- 2) Рассмотреть влияние гендерного аспекта на развитие языковой личности;
- 3) Проследить проявление в поведении героев-мужчин и героев-женщин романа гендерных характеристик, присущих тому времени;
- 4) Проанализировать языковые и стилистические особенности, влияющие на формирование концепта «маскулинность»;
- 5) Провести семантический анализ языковых средств методом полевой семантизации и методом сплошной выборки.

Теоретической базой исследования послужили монографии, научные статьи отечественных исследователей в области гендерной лингвистики, посвященные вопросам социальной и культурной обусловленности гендера в научной парадигме лингвистических наук (А. В. Кирилина, И. И. Халеева, Е. И. Горошко, И. Г. Серова, А. И. Синельников, И. Р. Чикалова), работы зарубежных и отечественных авторов, посвященные исследованию «мужественности» как социокультурного феномена (Р. Коннел, С. К. Ушакин, С. А. Орлянский), работы по теории власти и феминистской лингвистической теории (М. Фуко, Г. Рубин, Р. Лакофф, С. Трёмель-Плётц), исследования в области языкознания (Э. Сепир, О. Есперсен, Ф. Маутнер), работы представителей теории гендера как системы (И. Хирдман, М. Виттиг), научные труды отечественных лингвистов по стилистике английского языка (И. Р. Гальперин).

Практической базой выступил аутентичный художественный текст романа М. Митчелл «Унесённые ветром» и его перевод на русский язык.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная работа способствует формированию понимания значимости гендерных исследований в области лингвистики, важности гендерных различий, в особенности представителей мужской линии романа.

Практическая значимость заключается в том, что материал данного исследования может быть использован при дальнейшей работе в отрасли

социолингвистики, языкознании и непосредственно при написании работ по гендерной лингвистике.

Методы исследования. При написании работы были применены следующие методы общелогического научного познания: анализ и синтез, обобщение и описание, индукция и дедукция, метод сплошной выборки, метод полевой семантизации.

Структура исследования. Работа состоит из введения, 2 глав, заключения и списка использованных источников.

В первой главе описываются наиболее общие положения о гендере, предпосылки возникновения гендерных исследований, становление понятия «гендер» в трудах зарубежных и отечественных лингвистов, а также проводится анализ концепта «маскулинность» как базисной категории гендерной лингвистики.

Во второй главе проводится исследование по выявлению маскулинных черт героев романа и экспликации концепта «маскулинность» в тексте романа при помощи обнаружения стилистических средств, а так же анализ лексических единиц, которые способствуют вербализации концепта «маскулинность».

1 Понятие «гендер» как основная категория гендерной лингвистики

1.1 Возникновение и становление понятия «гендер» в исследованиях представителей отечественной и зарубежной лингвистики

Лингвистика – сфера человеческого знания, наука, находящаяся в постоянном развитии и изменении, ведь в языке людей, живущих в социуме, обнаруживается тесная связь с событиями, которые происходили в разные периоды исторического развития. Изучая периодизацию лингвистических дисциплин, наиболее значимый этап приходится на XX столетие. Изменения в социальном плане, политических идеологиях и социально-экономической стороне жизни привели к переосмыслению философских категорий. С приходом нового столетия жизнь людей наполнилась свежими идеями, мыслями, появилось новое понимание бытия. Необходимость исследования и изучения типичных различий и их фиксации в научной литературе возникла с приходом XX века. Отличия в поведенческом, эмоционально-содержательном и коммуникативном плане, особенности проявления темпераментных черт и черт характера отдельных людей, различаемые по половой принадлежности так же стали объектом изучения различного рода дисциплин, так или иначе связанных с языковыми и речевыми особенностями личности.

На протяжении долгого периода времени определение половой принадлежности рассматривалось утрированно и однозначно. XX век послужил отправной точкой для констатации многогранности понятия «пол». Как следствие, взаимосвязанные и дополняемые друг друга две стороны человеческого существования – биологическая и социальная – послужили отправной точкой для исследований в области гендерной лингвистики. Для того чтобы обособить эти явления, назрела необходимость разграничения понятий «пол» и «гендер». Изменения в социальном плане, политических идеологиях и социально-экономической стороне жизни привели к переосмыслению философских категорий, в особенности к стремлению разграничить смысловые понятия «гендер» и «пол», ранее считавшиеся

данными от природы и рассматривавшиеся только с биологической точки зрения.

В период перехода от простых исследований пола к наиболее обоснованным гендер обозначал лишь грамматическую категорию рода, то есть был термином из сферы грамматики. Переосмысление и формулировка нового определения были связаны с тем, что в первой четверти XX века возникла потребность для научного описания культурных особенностей мужского и женского пола и связанных с этим поведенческих характеристик. Впервые различия между биологической категорией “*sex*” (пол) и социокультурной категорией “*gender*” (гендер) ввели Роберт Столлер и Джон Мани [9]. Именно с их именами связано новое осмысление понятия «гендер». В 1968 году психолог Роберт Столлер в своей работе «Пол и гендер: к развитию маскулинности и фемининности» выдвигает следующую идею: понятие «гендер» целесообразно использовать для описания половой самоидентификации людей, которая зачастую идет вразрез с собственно биологической половой принадлежностью. Окончательно данная идея была дополнена и реализована в трудах феминистских теоретиков [9].

По мнению А.В. Кирилиной, изучение взаимосвязи языковых особенностей и половой принадлежности следует разделить на 2 этапа, которые начались в 60-е годы XX века. Эти 2 этапа можно охарактеризовать как:

1) Биологический детерминизм (представляет собой нерегулярные, не имеющие связей исследований с пограничными науками, являющиеся подготовительным этапом и давшие толчок для дальнейшего изучения гендерных особенностей);

2) Гендерные исследования (представляют собой значимые исследования, имевшие влияние на возрастание интереса к социолингвистическому аспекту и изменением в отношениях традиционно устоявшихся мужских и женских ролей в обществе) [15, с. 145–147].

Более того, автор многочисленных работ по лингвистической гендерологии выделяет отдельным этапом и собственно подготовительный,

являвшийся базой для будущих гендерологических исследований. В силу изменения социального статуса женщины в жизни общества, радикальных перемен, которые принес XX век, в системе научных ценностей произошла переустановка, которая привела к возникновению новых направлений в науке: психолингвистика, нейролингвистика, социолингвистика. В основе каждой из вышеперечисленных наук обнаруживается тесная связь комплекса психических, социальных и умственных установок отдельно взятого индивидуума [16, с. 76–79].

Публикации ряда работ таких авторов, как Эдуарда Сепира, Отто Есперсена и Фрица Маутнера послужили отправной точкой для дальнейших гендерных исследований. Как отмечает Ф. Маутнер в своей книге «Вклад в критику языка» (*“Beitrage zu einer Kritik der Sprache”*), вышедшей в 1913 году: «...Женщины не в состоянии обходиться лексическими единицами своего родного языка и склонны к употреблению заимствованных слов. Напротив, в речи мужчин преимущественно не наблюдается наличие иностранных слов. Из этого следует, что деятельность мужчин носит творческий характер, в то же самое время женская половина населения лишь применяет то, что когда-то было создано мужчинами». Он впервые сформулировал положение о том, что «неравноправное положение полов в обществе влияет на гендерную социализацию» [46, с. 129].

В свою очередь внимание О. Есперсена было направлено на выявление гендерных различий и типичных особенностей мужского и женского варианта речи, через призму грамматики отдельно взятого языка, вследствие чего в 1958 году в свет выходит его монография «Философия грамматики» (*“The Philosophy of Grammar”*). В одной из глав *“Sex and Gender”* рассматривается проблема одушевленности и неодушевленности на основе сравнительного анализа различных индоевропейских языков, а также способы выражения категорий «пол» и «род» с помощью лексических и грамматических средств [14, с. 245–296]. В 1922 году О. Есперсен в своей книге «Язык: его суть, происхождение и развитие» посвятил целую главу различиям в

речевом поведении мужчин и женщин. Его считают одним из первых ученых, давших характеристику существования мужских и женских предпочтений при использовании лексикона. Он считает, что преобладающее место в речи женщин занимают эвфемизмы, реже можно услышать грубые, ругательские слова [40, с. 56].

Говоря об Э. Сепире, необходимо отметить, что свое исследование данный ученый проводил в живых реалиях, в течение некоторого времени он жил в племени яна и анализировал язык данного племени. В результате данного действия в 1918 году публикуется его статья под названием «Мужской и женский варианты речи в языке яна». На основе наблюдений автор делает вывод, что народ данного племени в большинстве своем использует полную форму слов, которая еще называется «мужская», в то время как редуцированная форма слов, или «женская» в ежедневном обиходе наблюдается крайне редко. Автор пытается объяснить данное явление таким образом: женский вариант является менее значимым и менее полноценным с точки зрения информативной наполненности, в то время как мужской вариант речи используется в общении мужчины с женщиной. Как и в любой малой социальной группе данного типа, в племени царит патриархат, поэтому роль женщины значительно преуменьшена [23, с. 461].

Таким образом, на начальном этапе изучения взаимоотношения языка и пола главную роль играли половые различия. Ранние представители будущих гендерных исследований пытались выявить взаимосвязь между речью мужчины и женщины на основе половой принадлежности. Система биологических и социальных особенностей привела к необходимости разграничения социальных отличий от собственно половых. Как следствие, появляется новый термин в научной лингвистической парадигме – «гендер».

Сам по себе термин «гендер» в сущности имеет заимствованную основу из английского языка. Первоначально данный термин характеризовал грамматическую категорию рода, что зафиксировано в словаре Фаулера (*gender, n., is a grammatical term only*) [55, с. 345]. Начиная с 1960-х годов,

гендер все чаще рассматривается как социально-психологическая категория, которая присваивается человеку не биологически, а в течение его жизни в обществе, т.е. гендер является социально-ориентированным и обусловлен окружающей человека обстановкой, культурными и психическими особенностями личности [8, с. 153].

Как отдельное понятие «гендер» появляется в научной области в конце 60-х начале 70-х годов XX века. Гендерный фактор, определяющий характерные черты и типичные особенности индивидуума, является важным атрибутом человеческой психологии. 2 половина XX столетия привнесла в жизнь общества разительные перемены, которые происходили одновременно с процессом демократизации общества. События студенческой революции 1968 года, активная пропаганда феминизма дала толчок для распространения ряда новых идей. Желание самовыражения, обретение политических прав и возможность получения профессии на тот период позволили дать мощный толчок в сфере гендерных исследований, тем самым данный период не зря называют Новым женским движением [13, с. 80–106].

Под влиянием феминистского движения были созданы работы известных ученых, занимавшихся проблемами гендерной лингвистики. Широкую популярность получила Робин Лакофф, чья работа «Язык и место женщины» раскрыла сущность речевых особенностей женщины, а также помогла более подробно изучить взаимосвязь женской психологии с поведенческой моделью. В своей статье автор методом сравнительного анализа исследует различия в общении мужчин и женщин, тем самым прибегает к двум фундаментальным ключевым категориям человеческой культуры. Основываясь на данном анализе, без всяких сомнений обнаруживается, что женщины в большинстве своем склонны употреблять вопросительные формы предложений, в то время как мужчины без всяких колебаний используют утвердительные, ни на секунду не сомневаясь в своих высказываниях. Также речь женщины характеризует наличие выражений с оттенком сомнения, такие как *“it seems to me”*, *“may be”*, *“I’m quite/pretty sure”* и т.д. [44].

В конце 60-х годов в сфере языкознания (преимущественно в США и Германии) набирает ход направление, которое условно назвали феминистской критикой языка. Данное направление было нацелено на критику андроцентричности, то есть ориентировка языка не на человека в целом, а на мужчину в частности. Позднее данному направлению было дано научное название – феминистская лингвистика. Роль феминистской лингвистики как отдельного периода в развитии гендерных исследований является неоспоримым ведущим фактором. Проводимые наблюдения показывали особенности не только женской психологии, но и особенности речевого поведения.

В ходе развития гендерных исследований первоначальные теоретические идеи первых ученых, разграничивших понятия «гендер» и «пол» Роберта Столлера и Джона Мани были дополнены трудами феминистских теоретиков. Биологический пол рассматривался как жизненно необходимый для выработки самого понятия гендера. Понимание гендера не заменяло понятие биологического пола. Линда Николсон, видная американская исследовательница в области феминистской теории, для того чтобы подтвердить это, ссылается на одну из наиболее важных дискуссий раннего периода второй волны феминизма. В то время уже было многое осознанно изучено и исследовано. Новое определение термина «гендер» гласило, что общество формирует не только личностные и поведенческие характеристики людей, но также формирует способы проявления телесности и сексуальности. Под гендером стало пониматься любое отличие, конструируемое обществом, которое так или иначе имело отношение к делению людей на мужчин и женщин, не исключая признаки, которые отличают женское тело от мужского [50, с. 28–30].

Так, например, культурный антрополог Гейл Рубин в своем эссе *“The Traffic in Women: Notes on the “Political Economy” of Sex”* Рубин опирается на идеи таких авторов, как Карл Маркс, Фридрих Энгельс, а так же ряд работ Зигмунда Фрейда, где утверждает о том, что гендерные отношения представляют собой социальные, экономические и политические институты,

призванные выполнять определенные социальные функции. Отныне гендер обозначает социально-обусловленную принадлежность индивида, включает в себя социальную роль человека [53, с. 301].

Продолжая речь об ученых, внесших свой вклад в развитие гендерных исследований, стоит упомянуть Сенту Трёмель-Плётц, представительницу феминистской лингвистики в Германии. На основе наблюдения речевого поведения женщин и мужчин в ходе дискуссионных бесед она делает следующие выводы:

1) Инициаторами речевого акта в большинстве случаев выступают мужчины, в то время как женщины склонны поддерживать и продолжать беседу;

2) В ходе беседы мужчины чаще всего перебивают или даже прекращают разговор, что свидетельствует о том, что мужчины контролируют ход беседы;

3) Женщины имеют предрасположенность к словесной борьбе за право быть услышанными, они делают все возможное для сохранения мужского интереса, часто задают риторические вопросы и запрашивают повторно уже выданную информацию [45, с. 133–138].

В 80-е годы XX века ситуация изменилась и развивалось более уравновешенное понимание гендера как вопроса, касающегося не только понимания женского начала, но и взаимосвязи мужской психологии, принимая во внимание женскую с точки зрения социального и культурного аспекта. Данный интерес послужил отправной точкой для исследований мужской психологии [16, с. 10]. Произошедшие изменения вызвали новую волну интереса к гендерным особенностям. Известный представитель такого научного направления как психология Энн Оукли писал, что гендер есть не что иное, как предмет культуры, который реализуется через социальную классификацию членов общества в оппозиции «маскулинное» – «фемининное», при этом половая принадлежность играет вспомогательную роль [15, с. 10–15]. На основании этого высказывания можно сделать вывод о том, что категория

«пол» осмысляется через противопоставление понятий «мужское» и «женское», в свою очередь «гендер» – с помощью оппозиционной пары «мужественность» – «женственность».

Переходя в поле зрения отечественной гендерной лингвистики, следует начать с того, что зарождение интереса происходило задолго до осмысления понятия «гендер». Как таковые, исследования начали проводиться с середины 90-х годов XX века. Начиная с данного временного промежутка, отечественный читатель стал непосредственным участником процесса изучения гендерных особенностей, в открытом доступе стали появляться теоретические труды зарубежных ученых. Несомненным прорывом в данной области научных знаний стало открытие лаборатории на базе Института социально-экономических проблем народонаселения, в названии которой впервые было использовано слово «гендер». Говоря об исследованиях отечественных представителей лингвистической гендерологии (И. И. Халеевой, И. Г. Серовой, А. В. Кирилиной, Е. И. Горошко), их труды связаны с лингвокультурологическим подходом, подразумевающим анализ мужественности и женственности как первичных культурных концептов. Из этого следует, что идеи представителей отечественной школы совпадали с мнением авторов западной школы гендерологии.

Тем не менее, среди отечественных учёных до сих пор ведутся споры о природе гендера. Одни причисляют гендер к мыслительной философской категории, призванной разграничить половую и социальную принадлежность, другие в свою очередь не рассматривают половую составляющую в качестве значимой при изучении гендера, тем самым видят в гендере чисто социальную модель, созданную обществом посредством стереотипов и языковых характеристик. Например, В. М. Войченко в своей статье «Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре» придерживается 2 принципа, который наиболее развит в работах ученых-гендерологов. В своей работе он высказывает следующую мысль: «Термин «гендер» был введён в аппарат лингвистики для акцентуации социальных составляющих концепта

пола, которые, фиксируясь в культурных традициях и стереотипах, оказывают непосредственное влияние на самоидентификацию и поведение личности в различных сферах деятельности» [6, с. 64–70].

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что становление понятия «гендер» происходило на протяжении всего XX века, первоначально зародившись в работах зарубежных авторов и продолжившихся в исследованиях отечественных ученых. Современная лингвистика рассматривает данное понятие через призму факторов, сложившихся исторически с самого начала проявления интереса к данному феномену. Главенствующее положение среди различных подходов к изучению термина “*gender*” занимал социологический, который учитывал взаимосвязь социально обусловленных и психических качеств личности. Данная ситуация негативно повлияла на восприятие и осмысление данного термина. До сих пор в научной парадигме различных наук существуют недопонимания со стороны представителей различных подходов. Первая причина – фиксированное значение термина “*gender*” как грамматической категории рода. Вторая причина – использование термина “*gender*” и отождествление его с термином “*sex*”, что с точки зрения гендерной лингвистики является некорректным.

1.2 Гендерная лингвистика как способ научной обоснованности концептов «маскулинность» – «фемининность»

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что именно на XX век приходится наибольшая часть общего вклада в исследования гендерной лингвистики. С возникновением потребности в изучении гендерного фактора в различных областях человеческого знания стало необходимым внедрение новой терминологии, классификации разнообразных подходов к изучению данной проблемы. Значительное место в развитии гендерных исследований уделено возникновению новых научных направлений: социолингвистика, психолингвистика, нейролингвистика. Все они в равной степени ставят перед собой задачу изучения речевого поведения мужчины и женщины в

коммуникативной ситуации через лингвистические проявления (грамматику, лексику, синтаксис), психические (темперамент, характер), психологические, социокультурные (этничность), а также пытаются обосновать данные особенности в коммуникативном дискурсе. А. В. Кирилина, проведя анализ основных проблем гендерной лингвистики, выделяет 5 направлений, которые базируются как на характере исследуемой темы, так и на внедряемой методологии. Основываясь на данной группе проблем, можно выделить следующие направления изучения гендера:

- 1) Социолингвистические гендерные исследования;
- 2) Феминистская лингвистика;
- 3) Исследования концепта «маскулинность» (*“men’s studies”*);
- 4) Психолингвистические исследования;
- 5) Лингвокультурологические исследования.

Социолингвистические исследования направлены на изучение механизмов речевого поведения мужчин и женщин, данные социолингвистики позволяют гендеру в очередной раз стать одним из социопараметров речи. Гендер рассматривается как институционализированный и ритуализированный социальный конструкт – один из параметров, характеризующий социальную принадлежность индивида. Взаимодействуя с другими членами общества, вступая в речевой акт, люди существуют в социуме. Общественные институты (семья, школа, армия, церковь и т.д.) поддерживают различия между полами, обеспечивают их статус нормативности и укрепляют их.

Интересный подход к дальнейшему исследованию гендерного фактора выдвинули ученые П. Экерт и С. Макконнелл-Джинет: «Думать практически, наблюдать локально». По их мнению, данный принцип способен ослабить влияние стереотипов на дальнейшие крупные научные исследования в этой области. Ученые считают, что прибегая к конкретным социальным практикам возможно проследить взаимодействие языка и гендера ведь последний бывает очень трудно рассматривать в отрыве от сопутствующих составляющих социальной идентичности, его лингвистическое воплощение варьируется в

зависимости от общества, культуры, нации. Отсюда следует и то понятие языкового конструирования гендера, в основе которого заложена идея о предопределении высказывания социальными отношениями [3].

В феминистской лингвистике наблюдается еще один фактор, порождающий некоторые противоречия. Как было сказано в предыдущем разделе, Р. Лакофф выделяет в речи женщин наибольшее употребление слов с эмоциональным подтоном, наличие конструкций с целью смягчения и уступки. Помимо женских особенностей, она дает общее представление о стандартной мужской речи. Рассмотрев различные коммуникативные ситуации, автор делает вывод, что женское мнение всегда выглядит слабее на фоне мужских доводов. Но, несмотря на это, использование женщиной мужской тактики при общении крайне нежелательно, так как это действие будет выглядеть странным и пойдет вразрез стереотипно сложившимся представлениям женщины в социуме. Наиболее разумный выход в данной ситуации – выработка специальных тактик, которые помогли бы женщине чувствовать себя без ущемления прав в процессе акта речевой коммуникации.

В отличие от феминистской лингвистики, представители изучения маскулинности, или же “*Men’s studies*”, работают над выявлением не общих черт, характерных для мужского пола вообще, а рассматривают каждый язык отдельно. Так как язык, по своей сути, является отражением культурной действительности общества. Учитывая тот факт, что феминистская лингвистика набирала обороты, и феминистские взгляды стали прослеживаться в различных отраслях научной мысли, представители мужского пола не должны были оставаться в тени и встать в один ряд с приверженцами феминистской критики языка. Отправной точкой для исследований в области мужской гендерной идентичности послужили 80-е годы XX века. Говоря о представителях отечественной действительности, подробным изучением концепта «маскулинность» занимается С. А. Орлянский. Его диссертация под названием «Трансформация образа мужчины в современной культуре» предоставляет эволюцию мужского образа, где автор дает объяснение, что основу

лидирующих качеств маскулинности составляет гендерная асимметрия, в связи с чем в обществе выделяются следующие типы современных мужчин: маскулинные, фемининные, промежуточные, с «несостоявшейся» маскулинностью [21]. Обращаясь к работам зарубежных исследователей, нужно отметить содержание журнала *“Theory and Society”* 1993 года выпуска, который выполнил следующую задачу: рассмотрение типов маскулинности и выявление различий между ними, а также выделил своеобразный мужской языковой эталон, так называемый *“hegemonic masculinity”* [34, с. 675–695]. Концепция гегемонной маскулинности повлияла на исследования в области гендерной лингвистики, но также была встречена критикой. Работы по постструктуралистской или постмодернистской теории объясняют концепт «мужественность», особенно те, которые опираются на исследования Мишеля Фуко. Структуралистская философия была предшественницей постмодернистской. Согласно названию, в котором содержится слово «структура», целью данной научной мысли было обоснование процессов психики и языка с помощью их структуризации. Абстрактные же понятия, такие как любовь, гнев, проявления воли и различного спектра чувств не попадали в поле зрения последователей данной мысли, так как не существует математических формул, способных описать данные феномены. Постмодернисты, в свою очередь, пытаются найти объяснения чувственным проявлениям с точки зрения рационального подхода. Сознание человека и язык связаны непосредственно, так как действительность непременно обусловлена дискурсивными практиками. В своей работе «Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности» М. Фуко предлагает рассматривать связь социального действия и властных отношений с процессом самоидентификации индивида. Главная мысль данной концепции – невозможность осмысления реальности и компонентов, составляющих ее без учета языковой сферы. Используя определенный материал по истории, Фуко удалось проследить формирование роли пола в западноевропейской культуре, а так же как она повлияла в целом на взаимоотношения членов общества. В ходе своих

наблюдений, он пришел к выводу, что все действия людей основаны на речевой деятельности человека, то есть дискурсивной практике. «Мир – это не сообщник нашего познания, и не существует никакого предискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам. Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, – во всяком случае, – как некую практику, которую мы им навязываем; и именно внутри этой практики события дискурса находят принцип своей регулярности и выполнимости» [30, с. 80]. Если говорить подробно о смысле идей М. Фуко, то можно сказать, что дискурсивные практики представляют собой не что иное, как набор исторически сложившихся установок, которые находятся в непосредственной связи с экономическими, политическими, культурными особенностями. Целью подобных практик является контролирование поведения индивида, то есть в каком-то смысле данные практики носят доминирующий характер. Из-за этого, контроль и властные отношения в представлении основополагающих М. Фуко – это основные критерии для описания любой дискурсивной практики. По М. Фуко, пол является одним из проявлений властных отношений, соответственно гендерные отношения носят властный характер. В широком смысле дискурсивные практики нацелены на реализацию большого круга задач, среди которых можно выделить следующие:

- 1) Налаживание контакта и его эффективное поддержание;
- 2) Взаимный обмен полезной информацией и эмоциями;
- 3) Реализация коммуникативных стратегий и влияние коммуникантов друг на друга в положительном плане [30, с. 82–86].

Не следует забывать и о том, что дискурсивные практики будут различаться в зависимости от степени близости коммуникантов, их культурных особенностей, индивидуальных качеств и количества участников. М. Фуко утверждает, что биологическая составляющая пола приобретает социальный оттенок, в связи с чем пол необходимо рассматривать не в качестве биологической составляющей части как ведущей в рассмотрении понятия «гендер», а полноценно функционирующей части социальных отношений, в

частности властных. Фуко уверен, что пол и все его проявления должны быть подчинены единому своду законов, то есть общественно контролируемы. Такое возможно только с использованием дискурсивных практик. Говоря о том, что данная концепция немного схожа с концепцией Ирвинга Гоффмана, можно сказать, что И. Гоффман, помимо поддержки теории дискурсивных практик, вносит значимость роли ритуала. Ритуал вобрал в себя совокупность жестных знаков, мимической составляющей и в целом всю совокупность знаков текста [38, с. 201–203]. Таким образом, анализ гендерных особенностей и в целом гендера необходимо осуществлять не только учитывая специфику культурных характеристик, но и дискурсивных в том числе.

Психолингвистические исследования направлены на изучение особенностей письменных и устных текстов. В данном направлении большой акцент делается на выяснении социального или полового доминирования при изучении взаимосвязи пола и языка. Так, Е. И. Горошко, придерживающаяся позиций биодетерминизма, была во главе серии экспериментов, в ходе которых выяснилось, что не только пол влияет на речевое поведение, но также и возраст, уровень образования, социальный статус [9, с. 77–86]. Наименьшее различие в гендерном плане наблюдается у тех лиц, которые заняты интеллектуальной деятельностью и имеют высшее образование [10, с. 44–60].

Лингвокультурологическое направление изучает аспекты ментальности и этнокультурную специфику. Тем не менее, на данный момент они изучены меньше всего. Проблема заключается в том, что в большинстве своём исследования в данном направлении ведутся на базе европейских языков, поэтому их результаты не применимы для другой языковой семьи. В рамках данного направления рассматривается понятие «гендерлект» (англ. “gender” – род и др.-греч. *Διάλεκτος* – «диалект»). Данный феномен подразумевает применение разного языкового обращения представителей мужского и женского пола в пределах одной национальности касаясь лексической, грамматической и стилистической стороны языка. Эти варианты языка не взаимозаменяемы, так как использование, например, мужчиной женского

варианта языка будет нежелательным действием с точки зрения общественного отношения. Однако, по мнению Хельги Коттхоф, гендерлект нельзя назвать самостоятельно функционирующим лингвистическим явлением. На самом деле разница между вариантами носит чисто символический характер и не в состоянии повлиять на понимание в процессе коммуникации. Набор других факторов, таких как недостаточное внимание к контексту, недооценка этнолингвистических особенностей могут привести к потере взаимопонимания в ходе беседы. *“Gender is primarily seen as a category of the social order, not of the person”*, – утверждает Коттхоф в своей книге *“Communicating Gender in Context”* [43, с. 140].

На современном этапе исследования, касающиеся гендера, проводятся в следующих направлениях:

- 1) Актуализация гендерных особенностей на разных уровнях языка;
- 2) Спецификация гендерной системы в области вербального коммуникативного акта и невербального дискурса;
- 3) Реализация гендерного фактора при помощи средств массовой информации;
- 4) Стереотипизация гендерных особенностей в художественном тексте и социальном пространстве;
- 5) Выявление гендерной асимметрии.

Понятие «гендерная асимметрия» непосредственно рассматривается в рамках компаративного анализа. Наиболее ярким примером для объяснения данного явления может послужить сравнительный анализ слов «хозяин» и «хозяйка». Проведя анализ русских слов с английскими эквивалентами заметим, что оба языка интерпретируют хозяина как господина, владельца дома, в то время как хозяйка дома является женой хозяина, хранительницей очага. Отечественная представительница гендерологии Т. В. Барчунова является первой, кто ввёл понятие «гендерная асимметрия». По её мнению, именно языковой фактор является главенствующим в создании асимметричных отношений между мужчинами и женщинами [5, с. 163–164].

Учитывая все многообразие подходов, целесообразнее всего выделить 2 основных подхода, рассматривающих все особенности каждого из направлений в совокупности: теорию гендерной системы и теорию социальной конструкции гендера.

Говоря о теории гендерной системы, исходя из многообразия понятия «система», можно отметить, что у первого направления есть как приверженцы, так и люди, не разделяющие взгляды последних. Среди современных представителей данного направления можно отметить таких авторов как Ивони Хирдман, Моник Виттиг и Гейл Рубин. По мнению И. Хирдман система – взаимодействие мужчины и женщины на основе формальных и неформальных отношений, учитывающих специфику места взаимодействия, характер отношений и социальный статус [39, с. 190–191]. Проявления властных отношений нашли отражение в работах Г. Рубин. В ее понятии система – неограниченное количество соглашений, помогающих трансформировать биологическую сексуальность, заложенную в каждом представителе человеческого рода в продукт сознательной и активной человеческой деятельности [53, с. 342–401]. Говоря другими словами, гендерная система характеризуется наличием власти и доминирования, включает в себя оппозицию 2 полов, которые дополняют друг друга.

Другая представительница теории гендерной системы М. Виттиг в своем труде «Никто не рождается женщиной» дает следующее объяснение гендеру. Она утверждает то, что гендер – институт мужского доминирования, то есть все явления и события контролируются мужским полом [53, с. 245–247].

Второй подход, изучаемый в рамках гендерной лингвистики, рассматривает динамическое изменение гендерной культуры и предполагает социальное конструирование гендера, то есть гендерно обусловленные особенности находятся в непосредственной связи с социальной стороной личности. Основное положение данного подхода – в течение всей жизни переносит на себя социальные установки и образцы поведения в процессе социализации. На вышеуказанный процесс влияют множество факторов,

включая и подсознательные процессы идентификации. Представители теории гендера как социального явления изучают реальность с объективной и субъективной стороны. С точки зрения объективной стороны реальность, в которой обитает индивид, не находится в прямой зависимости от него самого, а с субъективной стороны реальность имеет предрасположенность к изменению под влиянием действий индивида. Образцом социальных отношений между женщинами и мужчинами представляется гендер. Социальные отношения строятся институтами общества.

Среди теории социального конструирования гендера выделяют 3 концепции, обеспечивающие научную закреплённость данной теории: концепция биологического фундаментализма, концепция культурного переноса и концепция когнитивного развития.

Первая концепция неразрывно связана с именем Зигмунда Фрейда, утверждающая, что мужчины и женщины различаются в нравственных, интеллектуальных и творческих установках. Его мысли не лишены андроцентризма, так как он высказывает мысль о проявлении чувства справедливости в большей степени у представителей мужского пола, нежели у женского. По его мнению женщины менее приспособлены к постоянно меняющимся жизненным условиям, подвержены проявлениям аффектации. Исходя из идеи, предложенной Фрейдом, маскулинность и фемининность включают в себя черты, взаимоисключающие друг друга. По его мнению маскулинность представлена качествами, характерными для «супер-эго» – честность, открытость, добросовестность и исполнительность, в то время как концепт «фемининность» реализуется через пассивность, нарциссизм и мазохизм его носителя. Фрейд так же еще раз подтвердил тот факт, что личность развивается гармонично только в том случае, если у каждого пола своя гендерная идентичность: для мужчин – маскулинная гендерная идентичность, для женщин – фемининная. В итоге, теория биологического фундаментализма предполагает рассматривать фемининность и маскулинность как биологически детерминированные, постоянные взаимоисключающие

наборы характеристик, но в то же время дополняющие друг друга. Любое отклонение от нормы гендерной идентичности следует диагностировать как болезнь [29, с. 311–313].

Вторая концепция гласит о том, что обретение гендера – процесс обучения, который начинается с младенчества. Люди, окружающие ребенка уже в сознательном возрасте, непосредственно оказывают влияние на формирование у него представлений о своей социальной и гендерной роли, закрепляя его реакции на те или иные действия, соответствующие его гендерной роли. Например, при воспитании девочек особое внимание уделяется речевой стороне личности, девочек ругают за использование грубых слов и выражений, в то время как мальчики склонны к использованию бранной лексики и порицания со стороны родителей в большинстве случаев не наблюдается.

Третья концепция, наоборот, предполагает стремление детей самим обретать гендерные роли. Американские психологи Маккоби и Джаклин считают, что данный процесс включает в себя 3 стадии:

1) Моделирование. На данном этапе дети отождествляют себя с родителями. В раннем детстве и мальчики, и девочки берут пример с поведения мамы, повзрослев, девочки сохраняют привязанность. Сама же мама относится к детям по-разному: к девочке как «к себе», к сыну как «к другому»;

2) Подкрепление. В процессе социализации действия и поступки ребенка, соответствующие или несоответствующие его гендерной роли, подвергаются награждениям или наказаниям;

3) Самоидентификация. Самосоциализация личности, обусловленная культурными представлениями, восприятием и ценностями, реализуется через непосредственное взаимодействие с семьёй в результате ранних взаимоотношений с социальными объектами [45, с. 118–152].

Особый интерес в формировании гендерного дисплея – проявление индивидом принадлежности к половому классу, представляет собой гендерные стереотипы, которые закреплены в человеческом сознании и реализуются

вербально или невербально. Смена гендерных ролей проявляется в сфере традиционно «мужских» профессий (политика, бизнес, спорт, военная сфера), в то же время происходит обратный процесс изменения гендерных ролей мужчин, все больше участвующих в женских сферах профессиональной деятельности (воспитание детей, домашнее хозяйство). Кроме смены гендерных ролей наблюдается тенденция андрогинии – проявление типично «женских» качеств у мужчин и «мужских» у женщин.

Таким образом, теории, носящие название «социальный конструктивизм» определяют гендер как «систему межличностного взаимодействия, посредством которого создается представление о социальной роли индивида. Утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как о базовых категориях социального порядка» [10]. То есть сторонники теории социального конструирования гендера считают, что гендер – это характеристика человека, приобретаемая в процессе социализации.

В поле зрения российской науки термин «гендер» появился в последнем десятилетии XX века из-за влияния западных исследований. В каком-то смысле только что появившиеся гендерные исследования противопоставили себя уже ведущимся феминистским, так как теория социального конструирования, находящаяся в поле зрения гендерных исследований, еще раз доказывает, что оппозиция «мужское – «женское» находит свое отражение именно при наличии 2 полюсов противопоставления. Со временем понятие «гендер» стало включать в себя не только чисто половые характеристики, но и всю совокупность социального осмысления существования индивида, его род деятельности, характер, темперамент, менталитет, причем политический статус играет не последнюю роль в данном явлении. Культура как часть духовной жизни человека вышла в центр в качестве субъективной стороны данного социального конструирования.

1.3 Концепт «маскулинность» как непосредственный объект изучения гендерной лингвистики

На рассвете гендерных исследований проблема маскулинности стала интересовать ученых наряду с фемининностью как особенного феномена. Фактор пересмотра установленных принципов патриархальной культуры различными философскими направлениями, таких как экзистенциализм, структурализм и постмодернизм повлиял на возникновение данного интереса. Тем не менее, А. И. Синельников утверждает, что говорить о данном феномене как отражении качеств всего мужского пола бесполезно и даже бессмысленно, так как маскулинность должна изучаться в отдельно взятой культуре, обществе и временном периоде [25, с. 211].

Нужно отметить, что в отечественной гендерной лингвистике наблюдается тенденция к замене одного понятия другим. Так, понятия «маскулинность» и «фемининность» встречаются наряду с терминами «мужественность» и «женственность» [13]. Подобная ситуация обнаруживается и в других языках, тем не менее, в английском языке данные синонимы разграничиваются (*“masculinity”* – мужественность, *“manhood”* – зрелость, возмужалость, зрелый возраст) [11, с. 253, 255]. Русские же понятия «мужественность» и «мужество» включают в себя не просто совокупность чисто мужских специфических качеств, но и набор психологических особенностей, желаемых для обоих полов.

Андроцентризм языка, который был раскритикован в рамках теории феминистской лингвистики, позволил высказать идею о том, что представление о картине мира базируется только на мужском мнении и язык действует только от лица мужского субъекта. Следующие примеры помогают убедиться в этом:

1) Европейские языки не разграничивают понятия «человек» и «мужчина»: в английском языке *“man”*, в немецком – *“der Mann”*, во французском – *“homme”*, в испанском – *“hombre”* означают и мужчину, и человека;

2) Обращение к женщине, используя мужское обозначение, зачастую является допустимым и даже в некоторых случаях положительно влияет на ее общественный статус, в то время как противоположная ситуация считается для мужчины оскорбительной, так как обращение будет выражать пренебрежительное отношение;

3) *Manageress, lady doctor* и ряд других слов порождает мысли о том, что данные профессии являются чисто мужскими, тем самым подтверждая идею андроцентризма европейских языков;

4) Наименования, обозначающие женский пол как общее название, чаще всего не используется, чаще всего данное явление наблюдается в наименованиях профессий. Если взять единственное число певец и певица, то при переходе существительного во множественное число используется форма певцы, не взирая на смешанный состав участников.

Самый распространенный ответ на этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: маскулинность состоит из тех моделей поведения и практик, которые существуют в конкретных культурных местах, которые обычно ассоциируются с мужчинами, и, таким образом, культурно определенными как не женственными. Поэтому мужественность обозначает позитивную характеристику в качестве средства идентификации представителей мужского пола, и как негативную в том смысле, что качества маскулинности не применимы к женскому полу. Мужественность и мужское поведение не просто продукт генетического кодирования или биологических предрасположенностей [32; 49].

Все общества имеют культурные представления о гендере, но не все имеют понятие «мужественность». В современном употреблении термина предполагается, что поведение человека зависит от типа личности. То есть представитель маскулинного типа будет вести себя иначе: быть миролюбивым, а не жестоким, идущим на уступки вместо того, чтобы доминировать, не заинтересованный в сексуальных завоеваниях и так далее. Эта концепция предполагает веру в индивидуальное отличие и индивидуальное целеполагание.

В этом смысле она построена на концепции индивидуальности, которая развивалась в ранней современной Европе с ростом колониальных империй и развитием капиталистических экономических отношений [51]. Но эта концепция является также по своей сути относительной. «Мужественность» существует только в контрасте с «женственностью». Культура, которая не рассматривает женщин и мужчин как носителей поляризованных характеров, в принципе не имеет понятия о мужественности в смысле современной европейской/американской культуры [51].

Социология маскулинности касается критического изучения мужчины, его поведения, ценностей и перспектив. Как таковая, социология маскулинности опирается на информацию и находит свое отражение в работах по феминистской теории. С момента своего возникновения в 1950-х годах социология мужественности прошла через три этапа, частично отражающие аналогичные сдвиги в теоретической модели феминистского мышления. Первый этап касался проблемы мужской роли, ее представления в обществе и отношения к людям с точки зрения доминирующих позиций. Именно то, что Джозеф Плек назвал «мужской» гендерной ролью [52]. Второй этап продолжается в начале 1980-х годов и исследования данного периода стремились подчеркнуть не столько цену патриархата для мужчин, сколько центральную роль мужской силы в доминировании [54]. На примере работы Тима Карригана и Рэйвина Коннелла, теория второй волны ввела понятие «гегемонная маскулинность» как «политическая, множественная, спорная, но все же мощная концепция» [34, с. 551–604]. Третья волна в социологии маскулинности возникла под влиянием феминистского постструктурализма и постмодернистской теории [42; 47]. Здесь теория находит свое отражение через доминирующие дискурсивные практики, а также показывает, как взаимодействие с самоопределением связана с гендерной властью и сопротивлением [54].

В последние годы социологов интересует положение мужчин в обществе. Этот сдвиг в гендерной лингвистике, в частности в объяснении понятий

«гендер» и «сексуальность» привели к новой акцентуации мужчины и мужественности в широком контексте гендерных отношений, социальных моделях взаимодействия между мужчиной и женщиной. Социологи заинтересованы в том, чтобы понять, как мужчина самоидентифицирует себя и какое влияние социально предписано мужскому полу [43].

Неудивительно, что на данный момент изучения маскулинных качеств активный интерес проявляется как со стороны специально обученных и квалифицированных специалистов, так и со стороны простых обывателей. Ярким примером, иллюстрирующим данный интерес, является сообщество под названием “*American Men’s Studies Association*”, которое находится в США. Как видно из названия, данное объединение ставит перед собой первоначальную задачу по исследованию маскулинности в различных областях научного и житейского знания. С этой целью 3 раза в год издается журнал “*The Journal of Men’s Studies*”, который является репрезентацией проводимых организацией исследований.

Наиболее видную роль в исследованиях маскулинности занимает Р. Коннелл. Его подход оказал особое влияние на социологию, потому что он интегрировал концепции патриархата и маскулинности в общую теорию гендерных отношений. По словам Коннелл, концепт «мужественность» – важнейшая часть гендерной системы и не может быть понят отдельно от данной системы или от сопровождающего ее концепта «женственность» [36; 37]. Такие учёные-гендерологи, как Роберт Браннон [32], Джозеф Плек [51, 52], Роберт Мур и Дуглас Джилет [49] на протяжении ряда лет идентифицировали наиболее типичных представителей мужской социализации. Проанализировав работы Р. Коннелла, где прослеживается абстрактный концепт гегемонной маскулинности, можно найти подтверждение нижеперечисленных типов, которые находят свое отражение как в социальном, так и в психологическом плане:

1) “*Sturdy Oak*” – данный тип характеризует представителя мужского пола как сильного, выносливого, способного на решение любой поставленной задачи;

2) “*Give ‘em Hell*” – представители мужского пола, которые склонны к необдуманым и скоропалительным решениям, принимают любой вызов и удар судьбы;

3) “*Big Wheel*” – мужчина, для которого социальное положение и общественный статус превыше всего, поэтому чувствам окружающих его людей уделяется второстепенное значение;

4) “*No Sissy Stuff*” – данный тип отличается от вышеизложенных тем, что с раннего возраста ребёнок воспитывается в условиях без проявления нежных и теплых чувств, так как сострадание и милосердие – удел женской половины человечества. Если со стороны мальчика в раннем возрасте отмечаются чисто женские проявления эмоций, поведенческих, то непременно вслед за этим последует осуждение. Последствием данного обращения может служить алекситимия – неспособность к объединению вербальной и эмоциональной составляющей мозговой деятельности, то есть при речевом взаимодействии человек не может словами описать то, что творится в его душе [37, С. 56].

Связь между мужественностью, идентичностью и полом как компонентами социальной структуры значительно изменилась в ходе развития социологии мужественности. Ранние исследования, как правило, в значительной степени опирались на понятия половой роли для мужчин [47]. Исходя из этого, представители социальной конструкции гендера утверждают, что теория гендерных ролей являлась недостаточной для изучения мужской роли и не в состоянии полностью распознавать различия между мужчинами и женщинами [41].

2 Экспликация концепта «маскулинность» в художественном тексте

2.1 Вербализация концепта «маскулинность» в художественном тексте посредством стилистических приемов

Термин «концепт» имеет латинское происхождение. В переводе с латинского “*conceptus*” означает «зародыш, плод». Данный феномен не может быть зафиксирован письменно, потому что он существует лишь в сознании людей, тем самым давая почву для различного рода толкований как лингвокогнитивной, так и лингвокультурологической точки зрения [26, с. 234].

В современной лингвистике термин «концепт» употребляется очень часто. Система концептов отражает картину мира человека, его субъективное понимание действительности. Специфика концепта заключается в том, что он связан не только с лингвистической, но и с культурной стороной проблемы. Более того, концепт выражает когнитивное сознание определенной нации [26, с. 187–192]. Как отмечает В. Н. Телия, представитель теории концепта в отечественном языкознании, концепт – это наши знания о предмете, его взаимосвязях с другими объектами [27, с. 153]. Согласно мнению А. П. Бабушкина, концепт, находясь в сознании людей, отражает их представления о реальном и идеальном мире, его реализация происходит через вербализацию, потому как в любом ином случае его существование невозможно [4, с. 23–24]. Ю. С. Степанов подчеркивает, что концепт прежде всего – ментальные «сгустки культурной среды в сознании человека» [26, с. 154]. В. В. Красных вводит узкое определение понятия концепт: [национальный] концепт – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая языковому, сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью [18, с. 23].

Важным моментом в рассматриваемом понимании концепта является так же тезис о том, что «совершенно никакой концепт не выражается в речи

полностью» [18, с. 28–29]. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин приводят следующие доводы:

1) Концепт – это результат индивидуального познания, а индивидуальное требует комплексных средств выражения;

2) Концепт не имеет жесткой структуры, он объемен, и поэтому не может быть выражен полностью;

3) Невозможно зафиксировать все выражения концепта [18, с. 29–30].

Являясь абстрактным понятием, концепт представляет собой неоднородное образование. Выделяются конкретные и абстрактные, индивидуальные и групповые концепты, вплоть до транскультуральных универсалий. Наиболее детально разработана типология концептов по принятой в когнитивной науке признакам:

1) Мыслительные картинки (конкретные зрительные образы – собака «немецкая овчарка»);

2) Схемы (менее детальные образы – дом как жилье);

3) Гиперонимы (очень обобщенные образы – дерево);

4) Фреймы (совокупность хранимых в нашей памяти ассоциаций – Новый Год);

5) Инсайты (знания о функциональной предназначенности предмета вилка);

6) Сценарии (знания о сюжетном развитии событий – роды);

7) Калейдоскопические концепты (совокупность сценариев и фреймов, связанных с переживаниями и чувствами – счастье).

Таким образом, дефиниций понятия «концепт» в научной литературе уже достаточно много. При всем разнообразии вариантов толкования «концепт» единодушно признается единицей ментального пространства. Он структурирует знания о мире и отражает национальную специфику членения мира. Под концептом мы понимаем операционную единицу мысли как способ и результат квантификации и категоризации знания, поскольку его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образования которых

в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задается самим концептом, тем самым он не только описывает свой объект, но и создает его.

В качестве материала для данной работы был выбран художественный аутентичный текст на английском языке романа М. Митчелл «Унесенные ветром». Спустя 60 лет после событий Гражданской войны и капитуляции армии Конфедератов в Аппоматоксе, Маргарет Митчелл написала свой мировой бестселлер «Унесенные ветром», который был опубликован в 1936 году и вообрал в себя образы конфедератов, ненавистных янки, рабовладельцев и их подчиненных. Обращаясь к таким темам, как борьба за выживание, любовные взаимоотношения и социальное структурирование пола и класса, этот исторический роман отражает действия, происходившие в Северной Джорджии. Главная сюжетная линия повествует о взаимоотношениях Скарлетт О'Хара и Ретта Батлера – богатым изгоем из высшего общества, который «выглядит как один из Борджиа» – а также Эшли Уилкса – представителя «чистокровных Южных джентльменов» – и его жены Мелани Уилкс.

Важное место в создании образа героев в художественном тексте занимает интродукция, то есть первичное описание действующего лица с целью создания у читателя представления о нём. Следуя мыслям В. А. Кухаренко, необходимо отметить, что есть 2 способа композиционного изложения: эксплицитная и имплицитная [19, с. 122–123]. Эксплицитный способ – классический, так как он предполагает создание образа непосредственно через прямую речь героя, где главная роль отведена его языковому образу. Имплицитный способ используется, когда автор сопровождает читателя внешними характеристиками героя, его манерами. Главная роль этих способов – формирование у читателя первичного образа, которое затем будет претерпевать изменения.

Огромная роль в реализации и воплощении гендерных особенностей отведена стилистическим приёмам, принадлежащим к фонетическому,

лексическому и синтаксическому уровням. Говоря о стилистических приемах на синтаксическом уровне, они делятся на 2 группы:

- 1) В зависимости от длины предложения;
- 2) В зависимости от места членов предложения [7, С. 191].

Рассматривая концепт «маскулинность», необходимо отметить, что в чистом виде этот концепт реализуется через героя Ретта Батлера, в то время как Скарлетт О'Хара являет собой олицетворение маскулинности через фемининность. Раскрывая данную тему, необходимо уделить внимание одной важной детали. С точки зрения гендерной проблематики, наделения качествами своих героев М. Митчелл, персонажей романа условно можно разделить на 4 условных гендерных архетипа. Данная классификация основывается на наличии типичных качеств, преобладающих в наибольшей и наименьшей степени у того или иного персонажа:

- 1) Фемининность;
- 2) Фемининная маскулинность;
- 3) Маскулинная фемининность;
- 4) Маскулинность [24].

Автор показывает успех сильной независимой женщины в противовес с уступчивостью традиционного женского образа. Мелани традиционно женственна, Скарлетт придерживается мужского образа мышления и действий. В соответствии с данной мыслью, можно провести сравнение Мелани – фемининность, Скарлетт – маскулинная фемининность.

Роман начинается с того, что Скарлетт О'Хара флиртует с Брентом и Стюартом Тарлтонами, братьями-близнецами, которые живут на соседней плантации. М. Митчелл использует имплицитный способ создания образа героев. С первых же страниц близнецы Тарлтон дают читателям представление о том, как должны выглядеть мужчины в округе Клейтон, штат Джорджия, предоставляют образ маскулинности того времени: “... *raising good cotton, riding well, shooting straight, dancing lightly, squiring the ladies with elegance and carrying one's liquor like a gentleman were the things that mattered.*” [57, с. 1]. В

приведённом отрывке автор использует градацию и сравнение как один из способов демонстрации качеств, которые присущи джентльменам того времени. Тем самым близнецы Тарлтон воплощают эти действия в реальности, что свидетельствует о некоторых ценностях, которые высоко ценятся южными джентльменами (честь, сила, долг). В своем гендерно-кодированном обществе близнецы подчеркивают существование модели гегемонной мужественности. Ряд эпитетов (*healthy, thoughtless young animals, sleek, graceful, high-spirited, mettlesome*), подчеркивающих сходство братьев с лошадьми, которые были неразлучными товарищами, а также персонификация еще раз подчеркивают своенравный, мужской характер персонажей.

Один из первых стилистических приёмов, который встречается в речевой партии главной героини Скарлетт при первом ее монологе, – кольцевой повтор. “*If you say ‘war’ just once more, I’ll go in the house and shut the door. I’m mighty glad Georgia waited till after Christmas ... If you say ‘war’ again, I’ll go in the house.*” [57; с. 8]. Данная стилистическая фигура предполагает объяснение того, о чем идет речь в данном контексте. Героиня добивается поставленной коммуникативной цели, используя приём повтора как проявления настырности характера, что не характерно для представительниц женского пола в XIX в.

В качестве примера повтора в начале речевых высказываний, т.е. анафоры как стилистического приема можно привести следующие предложения: “*If only Frank wasn't ... Oh, God, if only I wasn't ... Oh, God, if only I wasn't going to have a baby!*” [57, с. 15]. Данный стилистический приём показывает упрямство Скарлетт, что нетипично для представителей кроткой женской половины XIX в.

Слова и выражения, которые использует в своей речи главная героиня, основываясь на отрывках из первой главы, дают представление читателю о ее характере, как боевом и настырном. Главная героиня не боится порицания со стороны окружающих ее людей, в этом смысле ей присуща мужественность. Очень точно автор описывает привычку Скарлетт вести себя непоколебимо, словно мужчина, используя метафору “*... and standing off to view with judicious*

air.” [57, с. 45]. Стойкость и невозмутимость хитрой девушки М. Митчелл описывает через рассказ об отце. Упоминается, что, будучи старшей дочерью, отец относился к ней на равных, как к мужчине: “... *and at last he had drifted into a habit of treating her in a man-to-man manner, and she found it most pleasant, and was greatly proud of it.*” [57, с. 14]. Повтор союзов, или же полисиндетон, позволяет сделать акцент на чувствах героини, ее внутреннем мире.

Роль знаков препинания в художественном тексте в значительной мере обусловлена тем, что они способны передать эмоциональное состояние читателю, показать разнообразную гамму чувств, начиная от радости и заканчивая печалью. В речи главной героини нередко проявляются предложения с эмоциональной окраской. В ее речи очень много восклицательных предложений, тем самым это характеризует ее как «истинную женщину», исходя из концепта «фемининность»: “*Will you stop treating me like a child! It can't be so! He doesn't love Melanie!*” [57, с. 9].

Для более подробного понимания текста романа со стилистической точки зрения, целесообразно разделить его на речь автора и собственно героев. В речи героев преобладает свобода, автор использует эллиптические предложения, для того, чтобы воссоздать реальность происходящих действий: “*Look, Scarlett. About tomorrow; You a wall flower!; Miss Who?*” [57, с. 11].

Наблюдая за развитием событий, в частности за взаимоотношениями главной героини с другими героями, можно отметить ряд эпитетов и сравнений, которые используют герои в своей речи, общаясь со Скарлетт. Так, отец Скарлетт сравнивает жену с дочерью, называя последнюю «ветреной особой»: “... *she was never flighty like you.*” [57, с. 17].

Образ главной героини Скарлетт О'Хара неразрывно связан с событиями революции и периодом Реконструкции, последовавшей за ней. С самого начала романа Скарлетт – яркий, откровенный персонаж с вспыльчивым характером. Хотя она может играть роль женщины в традиционном понимании данного слова, она – полная противоположность тому, какой должна быть Южная леди. Митчелл пишет: “*For all the modesty of her spreading skirts, the demureness of*

hair netted smoothly into a chignon and the quietness of small white hands folded in her lap, her true self was poorly concealed. The green eyes in the carefully sweet face were turbulent, willful, lusty with life, distinctly at variance with her decorous demeanor.” [57, с. 27]. Антитеза в последнем предложении при сравнении милого лица главной героини и её своенравных, беспокойных глаз как нельзя точно показывает истинную сущность обольстительной натуры. Для Скарлетт не существовало подруг, кроме ее матери, так как все они были для нее врагами в погоне за той же добычей – мужчинами. В детстве ее любимыми товарищами были негритянские дети и мальчики с соседней плантации. Становясь старше, она поддерживает общение с молодыми людьми, флиртует и дразнит их, держа на расстоянии вытянутой руки. Последний факт, тем не менее, утверждает о том, что в поведении главной героини все же есть некая женственность. Она эгоистична, потому что она никогда не могла долго выносить любой разговор, в котором она не была главной темой и всегда ожидала, что добьется своего: “... for she could never long endure any conversation of which she was not the chief subject.” [57, с. 31]. Она не обладает способностью анализировать и понимать других и не хочет этого делать. Она склонна капризничать, поддается на любую провокацию, даже выходит замуж за Чарльза Гамильтона, чтобы заставить Эшли ревновать. Когда Чарльз умирает, она думает только о том, как веселятся другие, в то время как она сама не имеет права на веселье.

С самого начала ясно, что ум Скарлетт – ее самое большое достояние. Хотя ее образование «поверхностное» (“*sketchy*”), она обладает «острым умом» (“*sharp intelligence*”) и учится подражать грациям дамы, чтобы скрыть свое внутреннее «я». Она плохо понимает других, но знает, как максимально использовать свою роль в обществе в собственных интересах. У нее есть склонность к математике, которая считалась позорной для девушки того времени. Ее отец даже привык обращаться с ней по-мужски: “*Her father drifted into a habit of treating her in a man-to-man manner.*” [57, с. 45].

Сильная воля Скарлетт, независимый характер и превосходение социальной условности (в отношении пола) делают ее воплощением

феминистских ценностей 1920-х и 1930-х годов. Более того, она демонстрирует твердость, решимость и рабочую этику, необходимые для выживания в условиях экономического коллапса, такого как Реконструкция или Депрессия. На протяжении всего романа она приспосабливается к изменениям вокруг нее. До начала войны Скарлетт осознавала, что она не вписывается в мир других молодых леди ее возраста. Как только начинается война, и молодая вдова едет в Атланту, чтобы жить с Мелани, ее многочисленные разговоры с Реттом начинают пробуждать в ней циничное понимание общества вокруг нее. Она начинает видеть в войне пустую трату времени и денег и замечает лицемерие Южного общества и аристократичного народа в нем. Она начинает понимать – хотя и смутно – что все ценности, за которые так свято ратует Юг, на самом деле является неопределенным, абстрактным понятием, которое мало кто из окружающих ее по-настоящему понимает. Все знают умные слова как «рабство» и «права государств», но никто не задумывается об истинном значении данных слов. В этот момент Скарлетт начинает открыто бросать вызов ожиданиям общества от нее. Она танцует с Реттом на благотворительном вечере, хотя она находится в траурном положении, она продолжает говорить с Реттом, даже когда остальная часть Атланты подвергает его остракизму, и она выходит из траура задолго до того, как это социально приемлемо для нее. За это время она становится более уверенной в себе и независимой. Помогая ей спастись от горящей Атланты в телеге с Мелани, новорожденным сыном Мелани Бо, собственным сыном Скарлетт Уэйдом и горничной Присси, Ретт замечает: *“Anyone as selfish and determined as you are is never helpless. God help the Yankees if they should get you.”* [57, с. 56]. Как бы цинично и мрачно ни звучало это замечание, впоследствии читатель признает важность такой черты характера Скарлетт, как выносливость перед лицом трагедии, которую Скарлетт еще предстояло пережить из-за их собственной неприспособленности, связанной с экономическими трудностями.

Мелани – полная противоположность Скарлетт, сама Митчелл писала, что Мелани – ее главная героиня, а не Скарлетт: *“She is really my heroine, not*

'Scarlett'." [2; с. 43]. Несмотря на отсутствие внешней красоты, Мелани является воплощением Южной леди. Она всегда выглядит старается видеть лучшее в людях, включая Скарлетт. Неспособность Скарлетт сблизиться с Мелани или с какой-либо другой женщиной в этой истории усиливает центральный конфликт, женскую/мужскую оппозицию. С одной стороны, это может быть единственный смысл, в котором героиня Мелани становится архетипически женской и как таковая приемлемой для культуры в целом: одна женщина против другой женщины в конкуренции за мужчин. С другой стороны, полное отсутствие женской дружбы ставит Скарлетт больше на мужскую, чем на женскую сторону неизгладимой гендерной линии в культуре.

В конце концов, потеряв Мелани, Эшли и Ретта в один день, она приходит к выводу, что, несмотря на то, что она пережила войну и реконструкцию и теперь имеет много денег, она совершенно одинока и находится в худшем положении, чем те, кто только получил умеренное богатство и в конечном итоге стал рабочим среднего класса, но сохранил свое чувство общности и свои принципы. Она приходит к выводу, что они, как и она, приспособились к новому порядку вещей, но они не потеряли себя в этом процессе. Тем не менее, чтобы не чувствовать себя побежденной, Скарлетт становится решительной, чтобы вернуть Ретта и вернуть то, что она потеряла, объявив себе завтра будет новый день.

Что касается Эшли Уилкса, живущего в Двенадцати дубах, то этот человек не походил на своих приятелей и не был частью их мира: "*Ashley was born of a line of men who used their leisure for thinking, not doing, for spinning brightly colored dreams that had in them no touch of reality.*" [57, с. 13]. Антитеза используется здесь как показатель интереса Эшли. Автор вводит образ данного персонажа имплицитно, то есть через рассказы самой Скарлетт и ее рассуждения. Внешность и поведение данного персонажа в сравнении с другими представителями мужской линии романа отличается от общепринятых представлений мужественности в данном обществе. Следующие эпитеты помогают это понять: *handsomely blond, courteously aloof*. Близнецам чужда

странная любовь Эшли к музыке и литературе, поэтому они считают Эшли чересчур женственным. В то время как Скарлетт – мужественная женщина, он – женственный мужчина. Его отношения с Мелани, несмотря на две беременности, кажутся скорее интеллектуальными, чем сексуальными; они – родственные души, которые, по словам самого Эшли, «понимают друг друга». Эшли, по сути, олицетворяет то, что американское общество стереотипно понимало как латентную гомосексуальность. То, что Скарлетт видит в Эшли, остается загадкой, особенно потому, что она презирает стереотипные женские черты во всех остальных, включая других женщин.

Эйбл Уиндер, способный стрелок из бедной семьи, приятель Тарлтонов, также находится в центре внимания благодаря его способностям: *“He is the real man because the best shot in the Troop.”* [57, с. 19]. Митчелл, используя эпитет *grave giant*, называет его огромным здоровяком, тем самым демонстрируя отменное здоровье и силу. Начало романа намеренно искажает определение джентльмена: способный стрелок Уиндер – не джентльмен, но его принимают за настоящего мужчину, в то время как Эшли Уилкс – джентльмен, но не настоящий мужчина.

Несомненным воплощением концепта «маскулинность» является Ретт Батлер. Являясь воплощением образа героя мужского пола, характерного для любовного романа, он явно соответствует устоявшимся представлениям о маскулинности. Анализируя описание его первого появления в романе, сразу же необходимо выделить следующие стилистически-экспрессивные средства: метафоры (*so heavy with muscles for gentility, contempt overlaid with an air of courtesy*), сравнения (*swarthy as a pirate, eyes were as bold and black as any pirate’s appraising a galleon, a look as of good blood*), эпитеты (*cool recklessness, cynical humor*). Особый акцент достигается автором через описание выражения глаз с помощью метафоры *“a glint of amused contempt”*. С помощью эпитетов автор описывает тон голоса Ретта: *“There was indignation in his hoarse bass voice but also a wheedling note.”* [57, с. 17].

Эпитет «ужасный» очень часто встречается в тексте романа, когда речь заходит о герое Ретта и непременно исходит из уст Скарлетт, представлен различными синонимами *rough/terrible/horrid*: “*He has a rough tongue, but he is a gentleman.*” [57, с. 45]; “*... this terrible person who had witnessed that scene with Ashley which still gave her nightmares*” [57, с. 76]; “*I think you are horrid,*” she said, helplessly, dropping her eyes.” [57, с. 48]. В большинстве случаев данные прилагательные используются для описания внутренней составляющей Ретта Батлера, соответственно, можно сделать вывод о наличии маскулинных черт характера.

Выражая свое отношение к Скарлетт, герой Ретта сравнивается автором следующим образом: “*As he fussed over her, clucking like a hen ...*” [57, с. 50]. Митчелл описывает поведение Ретта, который старательно проявлял заботу о Скарлетт. В данном случае сравнение “*clucking like a hen*”, показывает чуткое отношение мужчины к женщине. Основываясь на следующем сравнении, мы можем сделать вывод о характере Ретта: “*... his voice could be as silky as cat's fur one moment and crisp and crackling with oaths the next.*” [57, с. 89]. Тем не менее, довольно часто в тексте можно наблюдать проявления открытой иронии со стороны Батлера в отношении поведения его возлюбленной: “*And, you, Miss. No lady.*” [57, с. 90]. Наблюдается использование односоставного предложения (One-word sentence), что придает экспрессивности высказыванию.

С похожей иронией он относится и к кругозору своей спутницы: “*An aeon, I'm sure*”. *Scarlett was not sure what an aeon was, but there was no mistaking the baiting quality of his voice, so she said nothing.*” [57, с. 90]. Фраза “*An aeon, I'm sure*” передает иронию. Ретт прекрасно осознаёт, что Скарлетт все равно, умер ее муж или нет. Ретт забавляется над невежеством Скарлетт и в открытую говорит об этом: “*You are the most barbarously ignorant young person I ever saw*”; [57, с. 60]; *It means 'maybe', my charming ignoramus.*” [57, с. 61]. Рассматривая лексикон персонажа, можно отметить наличие слов латинского происхождения в обиходе (“*aeon*”), что говорит об образованности героя. В то же время, в своей речи персонаж использует слова, принадлежащие к

нейтральному пласту лексики. В следующем примере можно увидеть наличие слова неформального стиля при разговоре с мужчинами: “*They would lick us in a month.*” [57, с. 78].

Сцена на балу показывает Батлера как истинного джентельмена и обольстителя. Автор использует метафору для описания образа, который воплощал герой: “... *and danced in merciless merriment ...*” [57, с. 65]. Ввиду того, что Батлер пытался выказать свою привязанность к Скарлетт, но не добился успеха, автор использует оксюморон: “... *but she was regardful for caresses ...*” [57, с. 89].

В целях конкретизации характера персонажа в тексте романа можно встретить аллюзию в сочетании со сравнением: “*He looks like one of the Borgias*” [57, с. 67]. Данный стилистический прием наталкивает на мысль, что в женском обществе образ Ретта Батлера расценивался как распущенный и непристойный.

Также ряд аллюзий относится к происхождению героя, указывая на то, что он выходец из Чарльстона: “*He is one of the most attractive Charlestons I’ve ever seen*”; “... *overlaid with flat slow drawl of the Charlestonian.*” [57, с. 71].

Достаточно интересной является теория о том, что одежда предстает индикатором степени культурной образованности Юга. Внешний вид рассматривается как показатель приверженности к Старому, с рабовладельческими устоями, или Новому Югу во главе с янки: “... *laces and silks and braid and ribbons, all blockade run, all the more precious and more proudly worn because of it, finery flaunted with an added pride as an extra affront to the Yankees.*” [57, с. 90].

Противопоставление вида деятельности, которым были обременены женщины в сравнении с мужчинами, так же показывает особенности устоявшихся гендерных ролей в обществе того времени. Антитеза при перечислении занятий, а так же анафора помогают воссоздать образ Юга: “*The man owned the property, and the woman managed it. The man took the credit for the management, and the woman praised his cleverness. The man roared like a bull when*

a splinter was in his finger, and the woman muffled the moans of childbirth, lest she disturb him." [57, с. 23].

Так, например, при представлении Ретта Батлера на благотворительном балу, автор указывает на очевидный разрыв между внешностью Ретта и его одеждой: *"His severe black suit, with fine ruffled shirt and trousers smartly strapped beneath high insteps, was oddly at variance with his physique and face, for he was foppishly groomed, the clothes of a dandy on a body that was powerful and latently dangerous in its lazy grace."* [57, с. 32]. Набор метафор как нельзя точно воспроизводит образ, заложенный в вышеизложенных строчках самой Митчелл.

По стечению обстоятельств, Ретт переходит от образа «изгоя» к «самой популярной и романтической фигуре, невзирая на прежнюю репутацию», от персонажа, отказывавшегося носить форму Конфедератов под любым предлогом до человека, который был на войне и прослужил в армии 8 месяцев. Таким образом, персонаж Ретта Батлера конкретизирует желания Южного общества, переходя от собственного затворничества к признанию джентльменом со стороны данного сообщества.

Фигура прикрытой тени, вероятно, лучше всего описывает парадоксальную ситуацию, в которой оказываются мужчины-южане в романе. Эшли Уилкс, например, из-за войны стал явным воплощением, прикрыв свое тело униформой сил Конфедерации. Увлечение Скарлетт Эшли явно связано с его отъездом на войну, и форма, которая, по мнению Скарлетт, подчеркивает его аристократичность, подтверждает давно сложившиеся представления о том, кто являет собой представление мужественности в культуре Юга. Образ Эшли в униформе – фигура, лежащая в основе статичной культурной системы, основанной на представлении об устоявшихся образцах мужественности. В такой системе принцип чести обеспечивает соответствие внешнего вида и истинного характера и приравнивает идентичность этической доблести к социальному статусу. Поскольку он присоединился к армии, Эшли общается не только с мужским институтом армии, таким образом способствуя

гомогенизации мужской гендерной идентичности, но и приобщается к образу традиционной мужественности данного института, который требует определенного подавления некоторых особенностей, чтобы существовать в его узко определенных границах.

Как пишет Эшли в своем письме Мелани, он не ищет геройской смерти, славы или почестей: *“I am not a soldier and I have no desire to seek the bubble reputation even in the cannon’s mouth. Yet, here I am at the wars – whom God never intended to be other than a studious country gentleman.”* [57, с. 36]. Подчеркивая бесполезность военных действий, Митчелл использует метафору *“bubble reputation”*, так же интересно использование метонимии *“cannon’s mouth”*, то есть перед лицом оружия, в центре самого военного действия.

В отличие от Ретта, в момент принятия окончательного решения (идти на войну, чтобы сражаться за дело, которое, как он знает, проиграно) он придерживается позиции абсолютной честности. Поэтому когда Скарлетт спрашивает Ретта, смог бы он дезертировать в военных действиях и упоминает об Эшли, Ретт отвечает положительно, но добавляет, что такой человек, как Эшли не смог бы, потому что он – истинный джентльмен. Как подчеркивают Мелани и Ретт, поступки Эшли должны соответствовать его обещаниям и идеалам Юга. Пожертвовав своими сомнениями ради дела, Эшли в этом смысле неудачный Ретт, потому что он кажется скованным в образе совершенной мужественности. В герое Эшли сочетаются 2 стороны: Эшли, выполняющий социально-установленную мужественность, нося форму армии Конфедератов и искусно скрывая слабости характера и Эшли, совершенно оторванный от идей притворства и лицемерия.

На протяжении всего романа фемининная маскулинность образа Эшли Уилкса идет вразрез с образом чистой маскулинности Ретта Батлера. Эшли в данном случае явно следует рассматривать как слабую и женственную фигуру в отличие от бесцеремонной мужественности и жизненной силы Батлера. Кроме того, Ретт и Эшли не просто разные: они представляют собой противоположные концы континуума мужественности, как его определяет

наше общество. Возможно предположить кодировку псевдофрейдистской мысли: Скарлетт-девушка влюбилась в Эшли, а Скарлетт-женщина, предположительно любившая Ретта, подразумевая, что, достигнув зрелости, она признала и желала того, кто мог бы доминировать над ней «должным образом». Соответственно, чем сильнее и независимее женщина, тем более мужественным должен быть мужчина, чтобы завоевать ее.

С того момента, как Ретт видит Скарлетт на барбекю в Двенадцати Дубах, она становится его добычей; после этого темы преследования, доминирования и силы характеризуют всю их историю. После их первой неудачной встречи в библиотеке Уилкса Ретт появляется в Атланте в качестве лихого блокадника и успешно делает ставки на Скарлетт на благотворительном танце. Она, конечно, соглашается, но Ретт обладает властью контролировать ситуацию. Этот контроль, не говоря уже о его связи с экономикой, лежит в основе их взлетов и падений. В самой идее романа это лучше всего видно по фрагментации Южной фигуры мужчины, выдерживает критику и деконструкцию мужского поведения.

Проблематичным является тот факт, что Ретт и Эшли вместо того, чтобы полностью противостоять друг другу, разделяют многие характеристики. В одной из сцен Скарлетт сама признает, что ее шокировал тот факт, что кто-то, такой же идеальный как Эшли, мог разделять ту же самую мысль, что и подлец Ретт Батлер: *“They both see the truth of this war, but Ashley is willing to die about it and Rhett isn’t. I think that shows Rhett’s good sense. They both see the same unpleasant truth, but Rhett likes to look it in the face and enrage people by talking about it – and Ashley can hardly bear to face it.”* [57, с. 29]. В данном эпизоде можно еще раз обнаружить подтверждение того, что Скарлетт считает Ретта более уравновешенным [57, с. 78].

Власть и сила Батлера проявляется через речевое поведение главной героини. Тем не менее, в некоторых моментах Ретт не является в полной мере представителем концепта «маскулинность» в прямом значении этого слова. Во многих аспектах он напоминает Эшли с его склонностью к женственности. Как

пишет сама Митчелл: *“Had he [Rhett] been less obviously masculine, his ability to recall details of dresses, bonnets and coiffures would have been put down as the rankest effeminacy.”* [57, с. 89]. Кроме того, в том отношении, как он заботится о детях Скарлетт и его собственной дочери Бонни, Ретт изображается как гораздо лучший родитель для детей Скарлетт, чем она сама. Как отмечает Скарлетт, для мужчины было очень хорошо любить своего ребенка, но она чувствовала, что в проявлении такой любви есть что-то нехорошее. Он имеет особую близость с ее сыном Уэйдом, даже до того, как Уэйд стал его пасынком. Позже, когда их дочь Бонни падает с пони и умирает, Ретт оплакивает ее, и его переполняют его собственные чувства, что ставит под сомнение здравый смысл того, какие качества расцениваются как «мужские», а какие «не мужские». В этой сцене Ретт Батлер проецирует свою сознательную борьбу с другим гендерно-кодированным миром, который в противовес традиционным стереотипам отражает «женское начало» внутри себя, то есть главный герой показывает себя как хороший отец, который не стесняется показывать свою любовь и боль, когда умирает его любимый.

Для нежного Эшли также участие в войне, в которую он не верит, заставляет его становиться «другим», таким образом присоединяясь к Ретту, как он говорит: *“... neither of us believed in the war [...] we both knew the war was all wrong. We both knew it was a losing fight.”* [57, с. 101].

Митчелл предполагает, что становление мужского характера – процесс, который никогда не бывает прямым и последовательным. Традиционный Южный образ мужественности находится в кризисном положении. Ретт и Эшли, две модели мужественности, показывают, что глубоко неразрешимая напряженность сохраняется в представлениях романа об этом процессе, поскольку при более детальном рассмотрении, джентльменская доброта и тревожная чувствительность женского пола, представитель Южного мужского пола раскрывает идеал мужественности, основанный на фундаментальных противоречиях: Южный героический идеал должен быть одновременно доминирующим и почтительным, нежным и жестоким, самодостаточным, но

чувствительным, практичным, но идеалистическим, соединяющим два мира, закодированных как женский и мужской.

Сама Скарлетт наблюдает напряженность, присущую Южной мужественности: *“She had seen Southern men, soft voiced and dangerous in the days before the war, reckless and hard in the last despairing days of the fighting. But in the faces of the two men who stared at each other across the candle flame so short a while ago there had been something that was different, something that heartened her but frightened her – fury which could find no words, determination which would stop at nothing [...] Violent blood was in them all, perilously close to the surface, lurking just beneath the kindly courteous exteriors. All of them, all the men she knew, even the drowsy-eyed Ashley and fidgety old Frank, were like that underneath – murderous, violent if the need arose. Even Rhett, conscienceless scamp that he was, had killed a negro for being ‘uppity to a lady’.”* [57, с. 201].

Доминирующая сила Батлера наиболее ярко показана в 2 сценах. О’Хара и Батлер в конце концов женятся, но их отношения далеки от блаженных. Следующие слова Батлера подтверждают это: *“I’m riding you with a slack rein, my pet, but don’t forget that I’m riding with curb and spurs just the same.”* [57, с. 110]. Когда Скарлетт выражает свое желание не иметь больше детей, явно подразумевая, что она не желает дальнейших сексуальных отношений, они ссорятся. Между ними происходит следующий диалог:

– *“I shall lock my door every night!*

– *“Why bother? If I wanted you, no lock would keep me out.”* [57, с. 156].

Однако есть другие очевидные способы показать себя как джентльмена: герои-мужчины подстраиваются под определенные условия, переносят на себя те характерные черты, которые традиционно ассоциируются с гегемонистской маскулинностью. Например, участие в деятельности Ку-Клукс клана, защита белых женщин от чернокожих насильников. Именно эти действия дают Фрэнку Кеннеди, второму мужу Скарлетт, чувство мужественности и достоинства. Ещё один герой, Джеральд О’Хара, воплощает пример мужчины,

который принимает и подражает Южной аристократии в целях быть принятым как джентльмен.

Точно так же Ретт сознательно выбирает самопровозглашенную личность негодяя. Как он говорит Скарлетт: *“Certainly I’m a rascal, and why not? It’s a free country and a man may be a rascal if he chooses.”* [57, с. 156]. Риторический вопрос подчеркивает твёрдость выбора данной личности. Ретт напоминает Скарлетт, что ее отец был всего лишь выскочкой (*“a smart Mick on the make”*). И, конечно же, именно благодаря этому качеству Джеральд О’Хара, ирландский иммигрант, стал «культурно приемлемым»: независимо от того, как было трудно ему достичь той элегантности и несмотря на соседей, которые сначала смотрели на него косо, Джеральд научился принимать Южные идеи и обычаи.

На протяжении всего романа Митчелл предоставляет гендерные роли общества эпохи Гражданской войны способом, который отражает ценности ее собственного времени. В то время как первоначальное намерение Митчелл заключалось в том, чтобы создать реалистическое изображение гендерных ролей девятнадцатого века, многие из гендерных ценностей в романе звучали верно для читателей в 1930-х годах. Хотя феминистское движение не было столь сильным, как в предыдущее десятилетие, многие начинают понимать важность более активной роли женщин в обществе из-за тяжелых экономических условий. Изображения в романе мужских персонажей, таких как Ретт, Эшли и Фрэнк, свидетельствуют об ожиданиях со стороны общества от мужчин, преследуя идеи мужественности, силы и добродетели.

До войны Южная культура подчеркивала важность сильных мужских фигур. Идеальный Южный мир сотворен из мечтаний людей; все должно соответствовать их вкусу. Культура придает большое значение мужественности; ожидается, что мужчина будет относиться к женщинам как к предметам поклонения на публике, уважать свое собственное достоинство и достоинство других людей, защищать свои убеждения ценой своей жизни без колебаний и проявлять безошибочную преданность Югу. Кроме того, мужчины

проявляют повышенный интерес к мужским занятиям, таким как охота, верховая езда, азартные игры, алкоголь и курение. Идеальный Южный джентльмен кажется идеальным героем. После военных действий, мужчины снова становятся главными авторитетными фигурами в обществе, но есть новая оценка силы и ума женщины. Юг больше не является обманчивой, поверхностной страной могущественных мужчин и их обожающих, простодушных женщин; это место, где поддержка женщины необходима для поддержания семьи, и ее роль признается, и где мужественность мужчины определяется его способностью обеспечивать свою семью.

2.2 Лексическая репрезентация концепта «маскулинность» в художественном тексте романа «Унесённые ветром»

Одним из важнейших способов репрезентации концепта является его вербализация – процесс актуализации выражения посредством символических описаний [1, с. 8]. В качестве способов вербализации рассматриваются слово, фразеологизм, словосочетание, схема предложения и даже текст в том случае, если он отражает смысл концепта.

Концепт «маскулинность» неразрывно связан с взаимодействием мужчины и женщины в процессе коммуникации. Будучи оппозиционной составляющей в фундаментальной паре «маскулинность» – «фемининность», данный концепт в равной степени отражает когнитивное сознание народа, так как проблема взаимоотношения полов стала одной из ключевых с появлением общества. Мужественность, как и женственность, является вымышленной конструкцией, а мифы о мужественности и женственности всегда освещались в литературе, искусстве и массовой культуре. Достаточно интересно, что исследования гегемонистской маскулинности в этом южном контексте представляются чрезвычайно разнообразной и противоречивой областью, поскольку кажется, что критики предпочли размышлять о Южной женственности и о том, что южные женщины-писатели должны стать доминирующим голосом в американской литературе XX века.

Ключевым словом-репрезентантом концепта «маскулинность» в тексте романа является лексема *man* и его множественная форма *men*. Впервые данное слово встречается при описании вида деятельности, которым занималось мужское население штата Северной Джорджии: “... *provided a man was smart in the things that mattered.*” [57, с. 32]. Впоследствии эта же лексема встречается при описании Джеральда О’Хара, но носит скорее не индивидуализированный, а обобщающий характер.

Помимо лексем *man/men* очень часто концепт «маскулинность» соотносится в тексте романа с такими лексическими единицами как *father*, *husband*, *lover* тем самым подчеркивая важность выполнения социальной роли, традиционно предписывающейся мужскому полу. С самых первых строк можно увидеть слово *father* при первичном упоминании главной героини. Автор подчеркивает Ирландские корни отца Скарлетт (“*florid Irish father*”). Данная лексема не соотносится ни с чьим либо образом, кроме самого Джеральда, так как на протяжении всего романа данная лексема не упоминается при описании другого персонажа. Из этого можно сделать вывод, что социальная роль мужчины-семьянина отведена исключительно одному персонажу – Джеральду О’Хара. В отличие от роли отца, роль мужа переплетается с судьбами многих персонажей мужской линии романа.

Языковая единица *boy* употребляется Митчелл не только для описания мужчин белого происхождения, но и для создания прототипов представителей рабского порабощения в романе. Так, например, данное слово появляется впервые при упоминании мальчика-негртенка: “*He [Pork] was followed closely by Jack, a black little boy of ten, hastily buttoning a white linen jacket.*” [57, с. 178]. Исходя из степени употребления и стилистической окраски данной лексем, можно сделать вывод, что автор преимущественно использует ее, презентуя читателю представителей мужской линии более младшего возраста по сравнению с главными героями сюжетной линии романа.

В наиболее полной мере экспликация исследуемого концепта происходит при помощи лексем *gentleman* как в качестве отдельно употребляемого слова,

так и встречающегося в различных сочетаниях. Данная лексема отражает особое отношение самого автора к образу маскулинности, который прочно удерживал позиции на Старом Юге. Честь, верность и правда являются моральными принципами, которыми живет старый Юг, это – руководящие принципы, которые янки не могут понять. Те же самые моральные принципы определяли, кем должен быть Южный джентльмен: человеком рыцарских манер и хорошего воспитания; человеком хорошего социального положения; человеком богатства и разумного отдыха.

Аристократический по натуре, Викторианский по манерам, Южный человек отличался автономией, самодисциплиной и целостностью, сочетая в себе все элементы старых рыцарских кодексов с острым чувством личной и кастовой власти. В интенсивно патриархальном мире Юга (который некоторые критики определили как гипермаскулинную культуру) мужской идеал был идеологией, мощным утверждением о претензии правящего класса на легитимность и власть: *“It doesn’t matter who you marry, as long as he thinks like you and is a gentleman and a Southerner and prideful.”* [57, с. 169].

Огромное значение уделялось не истинному происхождению, а политической принадлежности. Будь то Джеральд О’Хара, который является землевладельцем (*“landed gentleman”*), или Ретт Батлер с его видом редко деликатного и тонко воспитанного джентльмена (*“gentleman of rare refinement and delicacy”*) по мнению самой Митчелл, джентльменом мог называться только тот мужчина, который привержен в полной мере идеалам Старого Юга. Гражданская война показала, что автономные принципы южан потерпели неудачу. В эпоху, которая требовала тщательного проявления мужественности, мужчины-южане не могли доказать свою мужественность тем, кто по их мнению был ниже их самих в социальном, моральном и политическом отношении.

С точки зрения лексикологии и стилистики достаточно интересным является слово *gentlewoman* при описании речевого поведения главной героини Скарлетт О’Хара. Являясь непосредственной представительницей маскулинной

феминности, развивая в себе качества, присущие мужчинам в связи с изменившимися условиями после войны, данный образ является противоречивым. Для более полного понимания авторской интерпретации данной лексемы находим определение слова “*gentlewoman*” – *a woman who belongs to a high social class; a woman who is well educated and has excellent manners* [58; С. 356].

Слово, образованное при помощи стяжения имеет общий корень *gentle*. Обращаясь к Оксфордскому словарю, находим дефиницию слова “*gentle*” – *calm and kind; doing things in a quiet and careful way* [58; С. 356]. Сочетая в себе качества истинной Южанки, воспитанной по правилам того общества и получившей достойное образование – “*Between them, they taught her all that a gentlewoman should know, but she learned only the outward signs of gentility.*” [57, с. 196], – главная героиня подстраивается под условия Нового Юга, тем самым Митчелл вкладывает новое коннотативное значение в слово *gentlewoman*, в то время как денотативное значение остается прежним.

Слова, принадлежащие к различным частям речи, так же помогают в актуализации рассматриваемого концепта. Возьмём, к примеру, глагол *to force*. Проанализировав контекстуальные значения данного слова, можно выявить общую сему – сила. В связи с этим концепт «маскулинность» эксплицируется не только при помощи данного глагола, но и при помощи смежных с ним существительных *strength, courage, power*, имеющих общее коннотативное значение. Крайне необычно, что именно глагол *to force* появляется в речи главной героини и при описании её действий: “*She drew back her arm and slapped him across the mouth with all the force she had left.*” [57, с. 127]; “*She intended to force the food down Ellen’s throat should she see signs of flagging.*” [57, с. 181]; “*She could not, could not force it to her lips.*” [57, с. 201]. Остальные лексемы в равной степени взаимосвязаны между собой и репрезентируют образы других мужских героев. При описании образа Ретта автор использует лексему *power* в большей степени: “*The sense of his great physical power struck*

her like a blow.” [57, с. 201]; “*Yes, the ladies felt they could forgive and forget a great many things for such a brave man.*” [57, с. 196].

Тем не менее, в создании речевого портрета Скарлетт данная лексема так же имеет место быть: “*Merely holding herself erect required an effort of will power...*” [57, с. 403]; “*... still sure of her power to charm.*” [57, с. 156]. Слово *strength* употребляется чаще в создании образа Скарлетт, нежели при описании Ретта, и это употребление является вспомогательным наряду со словом *power*: “*She slapped him across the face with all the strength she had.*” [57, с. 467]; “*She lay relaxed for a moment, trying to summon anger to her aid, trying to draw on her strength.*” [57, с. 321]; “*... only an anxiety that she might not find strength for words.*” [57, с. 91].

Как уже было сказано в предыдущем параграфе, концепт зафиксирован за определенным словом, но в то же время не равен языковой единице. Одним из средств выражения концепта является лексико-семантическое поле, единицы которого объединяются общим компонентом значения. Лексико-семантическое поле представляет собой определенную структуру, в состав которой входят следующие компоненты:

- 1) Ядро – самые употребляемые лексические единицы;
- 2) Ближняя периферия – элементы, обладающие промежуточным положением при переходе от ядра к периферии;
- 3) Дальняя периферия – наиболее отдаленная группа слов, актуализирующая тот или иной концепт [4, с. 24].

Основываясь на количественном подсчёте лексических единиц, репрезентующих и объективизирующих концепт «маскулинность», структура данных единиц будет представлять собой 3 группы:

- 1) Ядро – данная группа представлена ключевым словом-репрезентантом *man* (1076 случаев употребления), множественная форма вышеупомянутого существительного *men* (451), *father* (213), *husband* (159), *boy* (124), *gentleman* (99). Данная группа представлена словами, которые встречаются в тексте не менее 90 раз;

2) Ближняя периферия – структурная группа включает в себя лексические единицы, встречающиеся в тексте в промежутке от 90 до 10 слов: *brave* (79), *strength* (77), *strong* (74), *courage* (65), *honor* (54), *power* (53), *rough* (47), *male* (28), *to force* (26), *coarse* (17), *masculine* (16), *rascal* (14), *swarthy* (14), *lover* (13), *stable* (13), *tough* (11);

3) Дальняя периферия – языковые единицы встречаются в тексте менее 10 раз: *scamp* (10), *gentility* (10), *well-bred* (9), *hero* (7), *severe* (6), *sturdy* (6), *bravery* (5), *manhood* (5), *good-sensed* (4), *decisive* (3), *stamina* (3), *masculinity* (2), *fortitude* (2), *gentlemanliness* (1), *gentlewoman* (1), *virility* (1), *warrior* (1). Языковые средства дальней периферии отражают субъективное и индивидуальное понимание автором такого явления, как мужественность.

Исходя из проведенного анализа, концепт «маскулинность» в аутентичном художественном тексте романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром» состоит из 5 тематических групп:

1) Семантическое поле “Visualization of a man” актуализируется при помощи следующих языковых единиц: *boy, man, gentleman*;

2) Тематическая группа “Social representation of a man” вербализуется посредством следующих лексем: *father, husband, lover, warrior*;

3) Коннотативно-оценочная тематическая группа “The man’s effect” репрезентируется в тексте через слова, относящиеся к разным частям речи, такие как: *hero, rascal, rough, scamp, to force; tough*;

4) Группа “Southern man’s qualities” включает в себя следующие прилагательные и существительные: *brave, bravery, coarse, courage, decisive, fortitude, gentility, good sensed, honor, power, severe, stable, stamina, strength, strong, sturdy, swarthy*;

5) Эксплицирующая группа “Verbalization of masculinity”, объединяющая понятие «мужественность», представлена следующими лексемами: *gentlemanliness, gentlewoman, male, manhood, masculine, masculinity, virility*.

Анализируемый концепт репрезентируется в тексте вышеперечисленными лексемами. Итого в романе насчитывается 39 слов (100%), эксплицирующих данный концепт. Среди них 25 слов (64%) – существительные, 13 слов (33%) – прилагательные и 1 лексема (2%) – глагол. Исследуемый концепт чаще всего вербализуется лексемами, обозначающими качества, присущие мужскому полу от природы, а так же обретённые в ходе социального взаимодействия с другими членами общества. Исходя из того, что художественная картина мира неразрывно связана с языковой картиной мира, можно сделать вывод, что концепт «маскулинность» отражает особенности образа жизни представителей мужского пола, характерного для англо-американского сознания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной бакалаврской работе было проведено исследование по выявлению особенностей экспликации концепта «маскулинность» в художественном тексте на английском языке. В качестве материала для работы выступил аутентичный художественный текст романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром». В работе проанализированы отрывки художественного текста, содержащие образ маскулинности. Анализ включает в себя группу ключевых слов, набор определенных семантических полей текста, а так же их классификацию по частям речи. Особое внимание уделяется роли стилистических средств в создании образов героев и экспликации концепта «маскулинность» в тексте романа. Кроме того, проведено исследование методом сплошной выборки по выявлению лексических единиц, коннотатирующих представление о маскулинности.

На протяжении долгого периода времени определение половой принадлежности рассматривалось утрированно и однозначно. XX век послужил отправной точкой для констатации многогранности понятия «пол». Как следствие, взаимосвязанные и дополняемые друг друга две стороны человеческого существования – биологическая и социальная – послужили отправной точкой для исследований в области гендерной лингвистики.

Основываясь на проведённом анализе, удалось выяснить, что концепт «маскулинность» реализуется в тексте романа с помощью экспрессивно-стилистических средств и их использования в определённом контексте. Данный концепт содержит в себе противостояние между оппозицией «маскулинность» – «фемининность». Для создания оппозиции «маскулинность» – «фемининность» употребляется достаточно внушительное количество стилистических средств на лексическом уровне, включающие в себя метафоры, эпитеты, иронию, оксюморон. Концепт «маскулинность» в свою очередь воплощается через совместное использование лексических и синтаксических средств. В тексте романа наблюдаются значительные проявления маскулинности в женских типажах, в частности в главной героине – Скарлетт

О'Хара. Данное явление характеризуется как фемининная маскулинность. Представителем концепта «маскулинность» в чистом виде является Ретт Батлер. В речи главного героя преобладают лексические единицы, характеризующие пылкость и эмоциональность характера главного героя.

По итогам исследования можно сделать вывод о том, что на протяжении всей сюжетной линии романа наблюдается неравномерность наделения мужскими качествами женского пола, а именно использование лексических средств в целях презентации разницы между гендерными отношениями. Экстралингвистические предпосылки, сыгравшие роль в разрушении традиционно устоявшихся стереотипов о роли женщины в обществе того времени, имеют огромное значение при объяснении такого феномена как трансформация образа мужчины и женщины в ходе событий Гражданской войны 1861-1865 годов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что лексически выразительные средства и стилистические приемы являются неоспоримым инструментом в обеспечении художественной целостности текста литературного произведения.

На примере романа английской писательницы Маргарет Митчелл можно увидеть наглядную оппозицию «мужское – женское» и проявление типично женских качеств у мужского пола, и наоборот. Также рассмотрены языковые единицы, используемые при описании поведения и действий персонажей данного романа. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что поистине глубокое проникновение в идейный замысел художественного произведения невозможно без комплексного анализа его собственно лингвистической составляющей. Исследуемый объект в лице концепта «маскулинность» позволит определить дальнейшие пути выработки методик для установки значимости постижения роли концептуальных категорий, касаемо гендерных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Волгоградского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – № 3 (2003). – Волгоград, 2003. – 96 с.
- 2 Архангельская И. Б. Тема американского Юга в романе М. Митчелл / И. Б. Архангельская. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. – 274 с.
- 3 Бабенкова Е. А. Гендерный фактор в поэтическом тексте / Е. А. Бабенкова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – 108 с.
- 4 Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : автореф. дис. ... д-р. филол. наук / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1998. – 38 с.
- 5 Барчунова Т. В. «Эгоистичный гендер» или воспроизводство гендерной ассиметрии / Т. В. Барчунова // Общественные науки и современность. – № 5 (2002). – М., 2003. – 182 с.
- 6 Войченко В. М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре / В. М. Войченко // Вестник Волгогр. гос. ун-та. – № 1 (9'2009). – Волгоград, 2009. – 85 с.
- 7 Гальперин И. Р. Стилистика английского языка (на англ. языке) / И. Р. Гальперин. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1981. – 334 с.
- 8 Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
- 9 Горошко Е. И. Особенности мужских и женских вербальных ассоциаций (Опыт качественной интерпретации) / Е. И. Горошко // Гендер: язык, культура, коммуникация: Доклады Второй Международной конференции. – М., 2002. – 86 с.
- 10 Горошко Е. И. Особенности мужского и женского речевого поведения (психолингвистический анализ) : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Горошко. – СПб., 2000. – 145 с.

- 11 Горошко Е. И. Гендерные исследования в лингвистике сегодня / Е. И. Горошко, А. В. Кирилина // Гендерные исследования. Харьковский центр гендерных исследований. – М. : Человек и карьера, 1999. – 297 с.
- 12 Гендер в британской и американской лингвокультурах / [Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина, Л. Г. Дуняшева] ; под ред. А. А. Бодровой. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
- 13 Дежина Т. П. Этапы становления концепта «гендер» в зарубежной и отечественной лингвистике / Т. П. Дежина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М., 2017. – 105 с.
- 14 Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : КомКнига, 2006. – 408 с.
- 15 Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации / А. В. Кирилина. – М. : РССПЭН, 2004. – 186 с.
- 16 Кирилина А. В. Лингвистические гендерные исследования / А. В. Кирилина // Отечественные записки. – № 2 (2005). М., 2005. – 180 с.
- 17 Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. Гендерный калейдоскоп: Курс лекций [Электронный ресурс] / И. С. Кон ; под общ. ред. М. М. Малышевой. – М. : Academia, 2001. – 520 с. – Режим доступа : <http://www.auditorium.ru/books/2589/pdf> – Загл. с экрана.
- 18 Красных В. В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста / В. В. Красных // Вестник Моск. ун-та. – № 1 (9'1998). – М., 1998. – 85 с.
- 19 Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
- 20 Мюллер В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – 18-е изд., стереотип. – М., 1981. – 458 с.
- 21 Орлянский С. А. Трансформация образа мужчины в современной культуре : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Орлянский. – Ставрополь, 2004. – 146 с.

22 Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с.

23 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.

24 Серова И. Г. Способы конструирования гендера в тексте и кинотексте / И. Г. Серова // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. – М., 2011. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby_konstruirovaniya_gendera_v_tekste/download – Загл. с экрана.

25 Синельников А. И. Паника, террор, кризис. Анатомия маскулинности / А. И. Синельников // Гендерные исследования. – № 1 (2'1998). – М., 1998. – 245 с.

26 Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., стереотип. – М. : Академический проект, 2004. – 991 с.

27 Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 284 с.

28 Ткачук А. Н. Этнокультурная специфика семантики концепта как глобальная единица национального когнитивного сознания / А. Н. Ткачук // Вестник Сибирского государственного университета им. Академика М. Ф. Решетнева. – № 4 (11'2006). – Барнаул, 2006. – 252 с.

29 Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений / под ред. М. Г. Ярошевского. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.

30 Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Перевод с фр. / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.

31 Чикалова И. Р. Гендерная проблематика в политических науках / И. Р. Чикалова, И. М. Жеребкина. – СПб. : Алетейя, 2001. – 157 с.

- 32 Brannon R. The male sex role: our culture's blueprint of manhood / R. Brannon. – Reading, MA. : Addison Wesley. – 1987. – 245 p.
- 33 Buttler J. Gender trouble. Feminism and the Subversion of Identity / J. Buttler. – New York : Routledge. – 1990. – 320 p.
- 34 Carrigan T. Towards a New Sociology of Masculinity / T. Carrigan, R. Warren., J. Lee // Theory and Society. – New York : Routledge, 1985. – 725 p.
- 35 Clatterbaugh K. Contemporary Perspective on masculinity: Men, Women, and politics in modern society / K. Clatterbaugh. – Boulder, CO : Westview press., 1990. – 345 p.
- 36 Connell R. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics / R. Connell. – Cambridge : Polity, 1987. – 134 p.
- 37 Connell R. Masculinities / R. Connell. – Cambridge : Polity, 1995. – 287 p.
- 38 Goffman E. On some convergences of sociology and psychiatry / E. Goffman // Psychiatric journal of illnesses. – 1957. – Vol. 20. – P. 201–203.
- 39 Hirdman Y. The Gender System. Moving on. New Perspective on the Women's Movement / Y. Hirdman. – New Jersey : Aarhus Univ. Press, 1991. – 234 p.
- 40 Jespersen O. Language: Its Nature, Development and Origin / O. Jespersen. – Heidelberg, 1925. – 401 p.
- 41 Johnson F. L. Politikal and Pedagogikal Implikations of Attitudes Towards Women's Language / F. L. Johnson // Communication Quarterly. Heft 2. – 2005. – P. 133–138.
- 42 Kimmel M. S. Men's Lives / M. S. Kimmel, M. A. Messner. – New York : Macmillan, 1989. – 356 p.
- 43 Kotthoff H. Communicating Gender in Context / H. Kotthoff, R. Wodak. – John Benjamins Publishing, 1997. – 424 p.
- 44 Lakoff R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. – New York : Harper & Row, 1975. – 85 p.

- 45 Maccoby E. *The Two Sexes: Growing Up Apart, Coming Together* / E. Maccoby. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1998. – P. 118–152.
- 46 Mauthner F. *Beitrage zu einer Kritik der Sprache* / F. Mauthner. – 1901. – Bd. 1. – P. 129.
- 47 McMahon A. *Male readings of feminist theory: The psychologization of sexual politics in the masculinity literature* / A. McMahon // *Theory and Society*, Vol. 22. – New Jersey, 2008. – N 5. – 695 p.
- 48 Mishel W. *Sex Typing and Socialization* / W. Mishel // *Carmichael's Manual of Child Psychology*, Vol. 2. – London, 2001. – 81 p.
- 49 Moore R. *King, Warrior, Magician and Lover: Rediscovering the Archetypes of the Mature Masculine* / R. Moore, D. Gillette. – New York : Harper, 1990. – 78 p.
- 50 Nicholson L. J. *Feminism/postmodernism* / L. J. Nicholson. – New York : Routledge, 1990. – 187 p.
- 51 Pleck J. H. *The Male sex role: Problems, definitions, and sources of change* / J. H. Pleck // *Journal of Social Issues*, Vol. 32. – 1976. – 320 p.
- 52 Pleck J. H. *The Myth of masculinity* / J. H. Pleck. – Cambridge, MA. : MIT Press., 1981. – 430 p.
- 53 Rubin G. *The traffic in women: notes on the “political economy” of sex* / G. Rubin // *The second wave: a reader in feminist theory*. – New York : Routledge, 1997. – 320 p.
- 54 Whitehead S. M. and Barrett F. J. *The Masculinities Reader* / S. M. Whitehead, F. J. Barret. – Cambridge Press., 2001. – 120 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ-ПРИМЕРОВ

- 55 Fowler H. *A Dictionary of Modern English Usage* / H. Fowler. – Oxford : Clarendon Press. – 2010. – 725 p.
- 56 Giddens A. *Sociology* / A. Giddens. – Cambridge : Polity. – 2001. – 106 p.

57 Mitchell M. *Gone with the Wind* / M. Mitchell. – New York : Pocket Books Print., 2008. – 1435 p.

58 Stevenson A. *Oxford Dictionary of English. Revised Edition* / A. Stevenson, Soanes C. – Oxford University Press. – 695 p.

Заведующему кафедрой
английской филологии К. Б. Свойкину
студента 4 курса
очной формы обучения
(на бесплатной основе)
направления подготовки
45.03.02 Лингвистика
факультета иностранных языков
Балаевой Ирины Игоревны

заявление

Прошу разместить мою выпускную квалификационную работу на тему «Экспликация концепта «маскулинность» в художественном тексте на английском языке» в электронной библиотечной системе университета в полном объеме.

03.06.2019

Отзыв
о дипломной работе «Экспликация концепта маскулинность в художественном тексте на английском языке» студентки 4 курса Балаевой Ирины Игоревны

Квалификационная работа Балаевой Ирины Игоревны выполнена в русле гендерной лингвистики, базирующейся на антропологических принципах исследования лингвистических феноменов с учетом целого ряда факторов экстралингвистического характера. Очевидно, что именно данное методологическое решение реализует столь актуальную сегодня идею междисциплинарности, поскольку дискурс эксплицирует текст в совокупности целого ряда признаков.

Следуя традиционной композиции, в первой главе автор представляет релевантный для данного исследования теоретический материал, представляющий собой грамотно изложенную систематизацию имеющихся на сегодняшний день работ, в центре внимания которых находится гендер, сопровождая его собственными комментариями. Студентка справедливо констатирует определенную дискриминацию в анализе концепта «маскулинность» в силу непропорционального соотношения работ по изучению данного концепта по сравнению с концептом «фемининность», что, собственно, подчеркивает актуальность квалификационной работы.

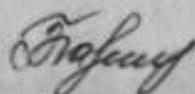
Практическая часть работы содержит описание собственного исследования различных способов вербализации концепта «маскулинность» на материале текста романа М. Митчелл «Унесенные ветром». Заслуживает внимания решение автора описать данный концепт путем анализа речевого поведения героев обоих полов, выстраивая оппозиционные пары. Студентка пришла к выводу о неоднородности содержательной стороны концепта «маскулинность» и вводит понятие «фемининная маскулинность», что говорит об изменчивости и некой индивидуальности гендерно-маркированных концептов.

В целом следует отметить, что работа носит комплексный характер, характеризуется необходимой теоретической базой, обилием примеров и достоверными выводами.

По теме проведенного исследования студентка выступала на Огаревских чтениях в 2018 г. Процент оригинальности текста дипломного сочинения составляет 88,22%.

Таким образом, данная квалификационная работа соответствует предъявляемым требованиям и может быть представлена к защите.

Научный руководитель
к.ф.н., доцент

Е.А. Бабенкова

ОТЧЕТ
о результатах проверки работы обучающегося
на наличие заимствований

Ф. И. О. автора работы Балаева Ирина Игоревна

Тема работы	Экспликация концепта "маскулинность" в художественном тексте на английском языке
Руководитель	доцент кафедры английской филологии, к.ф. н., доцент Е.А. Бабенкова

Представленная работа прошла проверку на наличие заимствований в системе «Антиплагиат.ВУЗ».

Результаты автоматической проверки:	оригинальность	88,22 %
	цитирования	4,63 %
	заимствования	7,15 %

Результаты анализа полного отчета на наличие заимствований:

правомерные заимствования:	да, 7,15%, наличие заимствований обосновано да/нет, количество (%), обоснованность
----------------------------	---

корректные цитирования:	да, 4,63%, наличие цитирований обосновано да/нет, количество (%), обоснованность
-------------------------	---

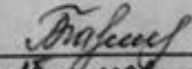
неправомерные заимствования:	нет да/нет, количество (%), обоснованность
------------------------------	---

признаки обхода системы:	нет (да/нет, описание)
--------------------------	---------------------------

Общее заключение об итоговой оригинальности работы и возможности её допуска к защите:

Анализ полного отчета о проверке ВКР обучающегося на наличие заимствований свидетельствует о том, что показатель оригинальности текста выше требуемого согласно Положению о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на наличие заимствований, утвержденному ученым советом университета (протокол №4 от 23.04.2018 г.), поэтому студент может быть допущен к предварительной защите и защите ВКР в ГЭК.

Руководитель
доцент каф. англ. филологии

«15» мая 2019 г.

Е.А. Бабенкова

Заявление о самостоятельном характере выполнения работы

Я, Балаева Ирина Игоревна, обучающаяся 4 курса, направления подготовки 45.03.02 Лингвистика, заявляю, что в моей работе на тему «Экспликация концепта «маскулинность» в художественном тексте на английском языке», представленной в Государственную экзаменационную комиссию для публичной защиты, не содержится элементов неправомерных заимствований.

Все прямые заимствования из печатных и электронных источников, а также ранее защищенных письменных работ, кандидатских и докторских диссертаций имеют соответствующие ссылки.

Я ознакомлена с действующим в Университете Положением о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на наличие заимствований, в соответствии с которым обнаружение неправомерных заимствований является основанием для отрицательного отзыва руководителя работы.

03.06.2019

Работа представлена для проверки в Системе
Дата представления работы - 17.06.19

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа
на наличие заимствований

Проверка выполнена в системе
Антиплагиат.ВУЗ

Автор работы	Балаева Ирина Игоревна
Факультет, кафедра, номер группы	ФИЯ, кафедра английской филологии, 401 г.
Тип работы	Выпускная квалификационная работа
Название работы	Экспликация концепта "маскулинность" в художественном тексте на английском языке
Название файла	Экспликация концепта маскулинность в художественном тексте на английском языке.docx
Процент заимствования	7,15%
Процент цитирования	4,63%
Процент оригинальности	88,22%
Дата проверки	15:08:41 17 июня 2019г.
Модули поиска	Сводная коллекция ЭБС; Коллекция РГБ; Цитирования; Переводные заимствования; Коллекция Гарант; Модуль поиска Интернет; Модуль поиска "МГУ им. Н. П. Огарева"; Модуль поиска перефразирований Интернет; Модуль поиска общепотребительных выражений; Кольцо Вузов
Работу проверил	БАБЕНКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ФИО проверяющего
Дата подписи	17.06.2019г. Подпись проверяющего

Чтобы убедиться
в подлинности справки,
используйте QR-код, который
содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Предоставленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.